

Ресторан "Золотая Олива"

Город Старый Чикаго

Солнечная система

Солнечная Лига

"Насколько я могу судить, Колокольцев и другие действительно верят в свою историю, по крайней мере, в том, что касается первопричин," - сказала Вэн Чжин-хван после того, как официант поставил перед ней заказанное Мэнго Каору и удалился. Вкусный аромат свинины, баранины и курицы поднялся, чтобы поприветствовать ее, и она взяла палочки для еды.

"Думаю, их трудно винить," - ответила Лупе Блантон. Она была в настроении для чего-то более легкого, чем монгольское барбекю, и нахмурилась, подцепив стоящий перед ней салат.
"Печально, но их сложно винить. Особенно, когда дорогой Раймунд помешивает горшок."

"Я знаю". Вэн сунула кусочек курицы в рот и с удовольствием прожевала, но ее голубые глаза были несчастны. «Я просмотрела записи Юсель, когда мы с тобой впервые начали беспокоиться об этом. Исходя из того, что она делала в прошлом, я не могу сказать, что версия событий манти кажется мне невероятной."

"Чжин-хван, официальной "версии манти" пока нет," - проворчала Блантон.

"О, извини!" Вэн закатила глаза. "Я имела в виду версию, которую манти собираются представить, когда они дойдут до этого. Знаешь, ту, которая оказывается правдой?"

"А, эту!" - фыркнула Блантон. Она посыпала немного соли на свой салат. "Я просто отмечаю, что все, что кто-нибудь до сих пор слышал, - это версия нашего уважаемого начальства. Которое, как ты только что предположила, не узнает правду, даже если она войдет в дверь."

Вэн усмехнулась, но никто из них не нашел в этой ситуации ничего смешного.

"Значит, Абруцци лжет об этом," - сказала полковник затем. "Врет как дышит. Но что мне наиболее интересно, так это то, что, по словам капитана Уивер, Терехов отверг любые ранее существовавшие обещания о поддержке флота."

"Это не совсем то, что он сказал," - возразила Блантон.

"Именно то," - не согласилась Вэн. "Он специально извинился за то, что пришел так поздно после Юсель, потому что никто со стороны манти ничего не знал о ситуации на Мёбиусе заранее, чтобы быть более активным."

"Что?" Блантон опустила вилку и подняла голову. "Я не видела ничего подобного в комм-записи, которую Уивер привезла домой."

"Конечно, нет." Вэн улыбнулась. "С другой стороны, не желая бросать какие-либо обвинения в зияющие дыры разведывательной сети Пограничной Безопасности, возможно ли, что - в отличие от всегда эффективной Жандармерии - у вас не было стрингера на борту Рудольфо

Калокаиноса?"

"Подожди минуту. Ты говоришь, что у вас был кто-то на борту этого корабля?"

"Не совсем," - призналась полковник. "У нас был кто-то, кто знал кого-то. У казначея Рудольфо Калокаиноса есть сестра в Жандармерии. Он обычно встречается с ней, как только может поймать шаттл с орбиты. И учитывая эффектный способ, которым всякое дерьмо с Мебиуса, вероятно, поразит Жандармерию прямо в лицо, сестра быстро пнула его версию наверх. Она находится в отделе Аналитики Давенант-Придмора, а не в Операционном, но Норитоши позаботился о том, чтобы ее слова были распространены среди всех в Командовании разведки. Ну, в любом случае, среди начальников отделов и старших аналитиков."

"Это был счастливый случай," - сказала Блантон.

"Ерунда. Все это было результатом тщательного предварительного планирования."

"Скажи это снова с невозмутимым лицом," - бросила вызов Блантон, и настала очередь Вэн фыркнуть. Затем выражение ее лица снова стало серьезным.

"Достаточно справедливо," - сказала она. "Но ключевой момент заключается в том, что, по словам нашего источника - у которого, предположительно, нет ни одной официально зарегистрированной записи, чтобы подтвердить это, но у которого также нет причин лгать об этом - Терехов сказал Брайтбаху и его старшему лейтенанту, кому-то по имени Бланшар, что независимо от того, что мог подумать Брайтбах, его "Фронт Освобождения Мебиуса" не разговаривал с манти. Брайтбах и Бланшар, очевидно, оба полагали, что они были в контакте с Мантикорой, и кто-то наверняка, черт возьми, предоставил им тяжелое оружие и тайную поддержку. Но если бы это были манти, разве бы Терехов так не сказал? Я имею в виду, он теоретически разговаривал с людьми, которые ожидали его приезда. Мне кажется, Мантикора хотела бы создать образ надежного союзника, ты не думаешь?"

"Ваш источник говорит, что Терехов на самом деле сказал этому Брейтбаху это?"

"Так он говорит." Вэн пожала плечами. "Когда все случилось, он был на планете, и местные его рано замели. Его жена с Мёбиуса. Очевидно, местные власти арестовали его по подозрению, как и некоторых из его родственников. Поэтому до тех пор, пока он не был освобожден новым режимом и ему не разрешили вернуться на Рудольфо Калокаинос, он видел изнутри множество происходящих событий."

"И, как человек, имеющий связи на Мёбиусе, особенно если он провел время в заключении в качестве подозреваемого мятежника, имел мотив, чтобы... бросить на вашего покойного оплакиваемого коллегу менее чем благоприятный свет," - отметила Блантон.

"По-моему, это компенсируется тем фактом, что он разговаривает со своей собственной сестрой," - возразила Вэн. Блантон на мгновение задумалась, потом пожала плечами в согласии.

"Я могу понять, что Мантикора отрицает какую-либо связь с неудачным восстанием, которое она спровоцировала," - продолжила полковник. "Но с успешным? Таким, где новые власти думают, что манти были с ними с самого начала?" Она покачала головой. "Это мне труднее понять."

"Так ты видишь это, как еще одно доказательство причастности Плохих Парней."

"Да."

Вэн положила палочки для еды и они посидели в задумчивой тишине. Затем Блантон откинулась назад на своей стороне стола.

"Я склонна согласиться," - сказала она. "Имей в виду, я вижу положительный эффект для манти, если они занимают позицию, что они настолько благородны, что готовы прийти на помощь людям, которые только думают, что разговаривали с Мантикорой. Я полагаю, что это может быть тонкой частью их генерального плана, если они действительно стоят за ним, и нет никаких Плохих Парней. Я имею в виду, что это позволило бы им разжигать беспорядки и восстания по всей Периферии и Окраине, не оказывая реальной поддержки большинству из них." Она пожала плечами. "Они приходят на помощь двум или трем, объявляют, что они "просто оказались поблизости", чтобы услышать о том, что происходит, и, будучи благородными и самоотверженными душами, как известно о Мантикоре всей галактике, защищают людей, которые были введены в заблуждение, поверив, что им была обещана мантикорская поддержка."

Это отводит от них обвинения в том, что они используют "одноразовые инструменты", с одной стороны, и дает им всевозможные плюсы за то, что они спешат на помощь, когда у них нет моральных обязательств делать что-либо подобное."

"Я думала об этом." - кивнула Вэн. "И я уверена, что именно так кто-то вроде нашего друга Раджмунда объяснит случившееся. Я не думаю, что это так. Я продолжаю возвращаться к раннему началу этой операции. Я убеждена - я думаю, что все мы, Охотники за Призраками, убеждены - что манти никогда не хотели прямого конфликта с Лигой, даже после Моники, пока Бинг не облажался. И все мы знаем, что из этого дерьма о "империализме манти" вышло бы действительно хорошее удобрение. У Мантикоры не было абсолютно никаких оснований пытаться построить какую-то межзвездную империю. Черт, у них уже была одна; просто коммерческая, а не территориальная. Манти потратили столетия на ее строительство, поэтому, если кто-нибудь в галактике и понимает, как это работает, то это они."

Теперь Абруцци и другие хотят, чтобы мы поверили, что они решили дестабилизировать наиболее успешную экономическую систему в расчете на душу населения в истории человечества, преднамеренно начав борьбу с самой крупной экономической системой в истории человечества?"

Она покачала головой.

"Я могу понять политику дестабилизации протекторатов как ответ на экзистенциальную угрозу существованию их Звездной империи, Лупе. На самом деле, с точки зрения Realpolitik, это имело бы огромное значение. Но все началось слишком рано, чтобы быть ответом нам. Для меня это только усиливает вероятность того, что это все время были Плохие Парни."

"Ты, вероятно, права." Блантон потянулась за своим холодным чаем. "Жаль, что это "разъяснят" с точностью до наоборот, когда все это наконец попадет в СМИ."

Башня Джорджа Бентона

Город Старый Чикаго

Старая Земля

Солнечная система

"Моя проблема, адмирал, - сказал Малахай Абрुцци, - заключается в том, что продать то, что произошло в Гипатии, как что-либо, кроме чертовой катастрофы, будет довольно сложно для моих людей из Министерства Информации."

"Мне жаль это слышать, мистер Абрюцци," - вежливо ответил Уинстон Кингсфорд.

"Нам нужно что-то сделать с этим," - сказал Абрюцци более резким тоном. "То, что происходит, никоим образом не помогает нашему изложению фактов."

Кингсфорд только посмотрел на него, и лицо Абрюцци застыло.

"Малахай, - сказал Иннокентий Колокольцев, - адмирал Хайду не был послан в Гипатию сам по себе." Абрюцци перевел свой несчастный взгляд на Постоянного старшего заместителя министра иностранных дел, но Колокольцев продолжал тем же голосом. "Миз Янг-О'Грэйди была основным направлением миссии. Адмирал Хайду взял на себя ответственность только после того, как она решила - и формально сообщила ему - что она провалилась в своей собственной миссии, и в этот момент ситуация была... сложной. На данный момент мы не в состоянии задним числом критиковать его понимание этой ситуации. Я могу согласиться с вами, что некоторые из его решений были... не оптимальными, но он действовал в рамках параметров своей миссии, как он - и Янг-О'Грэйди - понимали это."

"В конце концов они были отправлены в Гипатию, чтобы доставить сообщение. Они сделали это." Он поморщился. "Нам всем хотелось бы, чтобы все сложилось иначе, но это не так, и немного неразумно настаивать на том, чтобы адмирал Кингсфорд, которого там даже не было, вытащил какого-то волшебного кролика из своей шляпы для нас в данный момент."

"Я согласен, что то, как все сложилось в Гипатии... прискорбно, - сказал Натан МакАртни, - но в целом Флибустьер дает именно тот эффект, который нам нужен."

"Я думаю, что это сказано слишком сильно," - сказала Омосупе Квотермейн. МакАртни посмотрел на нее, и она пожала плечами. "Наверное, у нас будет тот эффект, которого мы хотели, Натан. Но я не думаю, что зашла бы так далеко, чтобы сказать, что он "именно тот", пока мы не получим больше информации о происходящем. И я не могу полностью избавиться от закона непредвиденных последствий. Из которых, как я могла бы отметить, Гипатия кажется именно таким примером."

"Верно." - кивнул Колокольцев. "Но непохоже, что мы - ваши люди в Информации - не доказали, что Флибустьер - это ответ на неприкрытую агрессию манти."

Один из способов выразить это, подумал Кингсфорд, не меняя спокойного и внимательного выражения. Не совсем так, как Гипатия и манти описали бы это. Впрочем, в Гипатии уже описывают, если бы вы случайно заглянули в новостные репортажи Вивлиотека. Спасибо

Хайду и этому идиоту Гогуну ...

Первые сообщения, поступившие от его оперативных групп, указывали на то, что Флибустьер преуспел в качестве военной стратегии. К сожалению, конечной целью любой военной стратегии было достижение политических целей, а это выглядело довольно... проблематично. Он предупредил своих гражданских хозяев, что может так получиться, хотя, судя по отношению Абруцци, они проигнорировали это предупреждение так же, как они проигнорировали все остальное, что могло бы спасти их - и Солнечную Лигу - от ее нынешнего движения к катастрофе.

Удар Каприотти по Кашалоту прошел как по учебнику, как и нападения на Майзе, Снайдер, Ватерфалл и Голем. Атака на Кенниак - даже ближе к Беовульффу, чем Гипатия, хотя и в почти противоположном направлении - также была весьма успешной. Атака на Брайант была... сложной. Вице-адмирал Гомес нашел в Брайанте полдюжины крейсеров манти, хотя, слава Богу, никто из них не был огромным тяжелым крейсером с ракетами большой дальности. И им также повезло в том, что правительство Брайанта ранее объявило о своем нейтралитете и отказалось позволить манти и их союзникам разместить любую постоянную силу в их звездной системе. Манти отошли на дальнюю дистанцию, прикрывая эвакуацию своих собственных кораблей в Брайанте, которых насчитывалось не более пары грузовиков, а затем ушли, когда президент системы МакГилликадди демонстративно напомнил обеим сторонам о нейтралитете своей звездной нации.

Тем хуже для МакГилликадди, теперь подумал Кингсфорд. Не то, чтобы манти могли изменить окончательный результат. Кажется немного неблагодарным с нашей стороны пойти и разгромить всю промышленную базу его звездной системы после того, как он выгнал их для нас.

Он мысленно покачал головой. Он не собирался рассказывать Колокольцеву или другим, но он действительно хотел, чтобы Гомес проявил достаточную инициативу, чтобы игнорировать свои приказы после того, как МакГилликадди так усиленно защищал нейтральную позицию своей звездной системы. Решение не разрушать инфраструктуру Брайана после того, как его президент был настолько непреклонен в отношении своего нейтралитета и отказал любой из сторон в свободном доступе к его системе, могло добавить пряник к кнуту Флибустьера. Но Гомес не был самым изобретательным флагманом ФСЛ; его инструкции были однозначными; и он выполнил их в точности. К счастью, погибших не было. Фактически, Гомес достаточно долго сдерживал атаку, чтобы жители Брайанта могли эвакуировать даже своих животных из их орбитальных поселений. Не то чтобы его "сдержанность" могла в конечном итоге привлечь в Солнечной Лиге каких-либо друзей.

С другой стороны, это не было целью операции.

"Вы можете быть правы, по крайней мере в том, насколько ясно мы выдвинули нашу версию событий, Иннокентий, - сказала Агата Водославская, - и я признаю, что это хорошо работает с новостями и СМИ здесь, в Солнечной системе. Убедим ли мы кого-либо еще - кого-то вне пояса Койпера, я имею в виду - другой вопрос. И, честно говоря, я думаю, что заявления другой стороны в отношении Гипатии могут подорвать наши попытки изобразить Флибустьера как взвешенный ответ на первоначальную агрессию манти. Особенно с учетом того, что, я полагаю, вам придется называть "конечной игрой".

"Точно," - сказал Абрुцци. "Именно так! О чем, во имя Бога, думал Гогун, адмирал?"

Отличный вопрос, подумал Кингсфорд.

"Полагаю, он думал, что подчиняется своим приказам, мистер Абрюцци," - сказал он вслух. "Первоначальный срок, как только что указал мистер Колокольцев, был установлен вице-адмиралом Хайду... после консультации с миз Янг-О'Грэйди."

Он скрыл улыбку за серьезным выражением лица, когда несколько гражданских лиц на другой стороне стола напряглись. Натан МакАртни казался особенно раздраженным.

Это было хорошо.

"В приказах вице-адмирала Хайду в соответствии с указаниями, полученными Флотом, подчеркивалась как необходимость сделать самое решительное заявление в случае Гипатии, так и необходимость избегать дополнительных тяжелых потерь, если это вообще возможно. В конце концов, мы не хотели усилить ложное впечатление мантикорской непобедимости."

Он не мог сдержать яда в своем последнем предложении. Он так устал от огромных потерь мужчин и женщин из-за сильного превосходства их соперников. Он был флотским офицером. Он понимал, что люди погибали в войнах. Он даже понимал, что его работа - потратить столько крови, сколько нужно для достижения военных и политических целей Солнечной Лиги. Но его злило, что он был проинструктирован избежать тяжелых жертв не для того, чтобы поддержать жизнь людей, а потому, что, как сказал Абрюцци в то время, "если ваши люди не могут уберечься от смерти, это может подорвать нашу способность поддерживать гражданский моральный дух."

"Ну, он определенно не сумел выполнить эту часть своих приказов," - сказал Абрюцци горьким тоном.

"Нет, не так, мистер Абрюцци." Жидкий гелий голоса Кингсфорда был теплее его глаз, когда он встретил взгляд постоянного старшего заместителя министра информации. "В системе уже были манти, когда он прибыл, и он не мог найти их из-за их скрытности."

Я подозреваю, что он и не искал их, признался адмирал самому себе, но будь я проклят, если я дам тебе немного боеприпасов, ничтожество.

"Когда Манти напали на него, у него не было другого выбора, кроме как сражаться, и я считаю, что его потери говорят о том, как тяжело сражались его люди. И, опять же, как заметил мистер Колокольцев, он и миз Янг-О'Грэйди были мертвы, когда стрельба прекратилась. Так что адмирал Гогун - первоначально девятый в цепи командования оперативной группы, надо отметить, - внезапно обнаружил, что должен решать, что делать дальше. Мы не уверены, что он еще жив. Мы знаем, что на его флагманском мостике был, по крайней мере, один выживший, поэтому он также мог выжить и быть сейчас военнопленным. Без возможности спросить его, я не могу сказать вам точно, что он думал, но я держу пари, что частью этого был пункт в оперативном приказе Флибустьера, который подчеркивал его психологические цели. Его оперативная группа только что понесла огромные потери."

В сложившихся обстоятельствах он, возможно, чувствовал, что, если позволит себе удержаться от соблюдения первоначального срока, установленного вице-адмиралом Хайду и миз Янг-

О'Грэйди, то проявит слабость и даст манти чувство моральной и психологической победы."

"Что они, черт воьми, и получили, так или иначе," - указал Абриуци, не уступая ни сантиметра.

Челюсти Кингсфорда сжались, но он не мог оспорить эту часть анализа Абриуци. Манти одержали огромную психологическую победу, и не только для собственного флота.

"Может быть, мы сможем исправить кое-что из этого," - задумчиво сказал МакАртни. "Что, если мы представим отказ Гогунова продлить срок реакцией на предательство Гипатии и массовые потери, которые его оперативная группа уже понесла?"

"Что ты имеешь в виду?" - потребовал Абриуци.

"Ну, я знаю, это больше твоя область, чем моя, - сказал МакАртни тоном почему-вы-не-думали-об-этом, - но, как только что указал адмирал Кингсфорд, вице-адмирал Хайду не делал этого, зная, что манти были там, и явно в гораздо большем количестве, чем они готовы признать. Совершенно очевидно, что ни у них, ни у Гипатии нет никаких причин говорить нам, каковы были реальные цифры, и я уверен, что они считают, что занижение их собственной силы добавляет им ауру превосходства на поле боя."

Он поморщился, и Абриуци поднял голову, внимательно слушая.

"И причина, по которой Хайду не знал, что они там, была в том, что правительство Гипатии не сообщило ему. Или что они пригласили манти - очевидно, до подсчета голосов на референдуме. Таким образом, у нас есть их прямой акт измены в попытке в первую очередь отделиться, их предательство в приглашении манти, все вместе с их решением скрыть присутствие манти от вице-адмирала Хайду и Мадхуры - я имею в виду, миз Янг О'Грэйди." Он пожал плечами.

"Очевидно, что манти могли нанести такие односторонние потери только потому, что у них было преимущество неожиданности, и Гогунув знал это так же, как и мы, точно так же, как он знал, что они имели это преимущество только из-за двуличия Гипатии. В сложившихся обстоятельствах и увидев столько тысяч своих людей, застреленными в спину из трусливой засады, он сначала слишком остро отреагировал. Но как бы он ни угрожал, он никогда не стрелял в гипатийские поселения, не так ли?"

Возможно, мы захотим рассмотреть "обнаруженные" некоторые разговоры между ним и его преемником в командной цепи - Юнцем, не так ли? - в которых, по его словам, он намерен в конце концов смягчиться. Если мы дадим понять, что он настолько взбешен, что хочет, чтобы гипатийцы испугались, - что он ищет какой-то эмоциональной мести вместо массовой расправы, которую он не может оправдать в военном отношении, - это фактически сделает его более человечным, более правдоподобным. И, конечно же, в конце концов, наши люди не только вышли из системы, но и сделали это, не разрушив инфраструктуру Гипатии - хотя манти не могли помешать им сделать это в тот момент, что бы ни случилось впоследствии с нашими военными кораблями, чисто как гуманный жест звездной системе, которая, черт побери, не заслужила этого после такого необузданного предательства!"

Он поднял правую руку перед собой, ладонью вверх, и посмотрел на своих товарищей.

"Знаете, с этим я могу работать," - сказал Абриуци, выражение его лица было намного светлее, чем раньше.

Кингсфорд, с другой стороны, с трудом удержал рот закрытым.

Он нашел трудным поверить, что в Гипатии было только десять кораблей манти, хотя, к чести Томаса Юнца, он решительно отказался раздуть размер противника, чтобы выглядеть лучше в своем докладе. Фактически, основываясь на данных своих офицеров, он даже предположил, что некоторые из девяти кораблей в начальных атакующих силах были приманками, а не настоящими кораблями. Трудно было поверить, что у кого-то есть дроны, способные поддерживать столь мощную фальшивую эмиссионную сигнатуру в течение столь длительного времени, но манти, похоже, привыкли делать невероятные вещи, не так ли?

Даже если предположить, что у них было вдвое больше корпусов, чем насчитал Юнц, то их число не превышало двадцати. И в отличие от гражданских лиц, сидящих в этой комнате, Уинстон Кингсфорд знал, как опасно кораблям заходить глубоко в радиус досягаемости своих врагов для атаки, если их в восемь или девять раз больше собственного числа, и "трусливой засады" не было ни в одном описании, каким бы большим ни было их технологическое превосходство. Он знал, что не может признаться в своем восхищении этими мужчинами и женщинами, их смелостью и готовностью отдать свою жизнь за людей чьей-то звездной системы. Не в этой комнате. Но как бы он или Мандарины не желали признать, остальная часть галактики - и особенно галактика вне Лиги - поняла бы, что манти не нужно было сражаться.

Но они решили плыть прямо к собственной смерти, чтобы защитить кого-то еще. Последствия для усилий по уничтожению репутации Большого Альянса среди нейтральных представителей галактики будет очень трудно переоценить.

И это одна из причин, по которой у тебя были такие сомнения по поводу Парфянского Выстрела с самого начала, не так ли, Уинстон? напомнил он себе. Не надо было слушать Бернарда и Салазар об этом. Разбей инфраструктуру, конечно, но не убивай всех, кого видишь! Если бы только быстро заткнуть их, черт возьми...

То, что на самом деле произошло в Гипатии, было достаточно плохо с точки зрения его вероятного воздействия на галактическое общественное мнение, но если бы Юнц поддержал угрозу Гогунова, если бы он убил шесть или семь миллионов мирных жителей ...

Это чертов МакАртни поддержал Парфянский Выстрел с гражданской стороны и убежал, напомнил он себе. С вашей поддержкой, мистер Аbruцци.

Несмотря на самые интенсивные поиски, которые он мог провести, не выходя на публику, Кингсфорд не знал, кто в Управлении стратегии и планирования слил предложение капитана Мардиолы Салазар МакАртни после того, как он сам категорически отверг его. Последнее, что нужно Флоту - его Флоту - это обвинение в нарушении Эриданского Эдикта! Флибустьер слишком приблизился к этому даже без Парфянского Выстрела, что делало особенно важным, чтобы в нем не было жертв среди мирного населения, которых можно было избежать.

Если он когда-нибудь узнает, кто слил это предложение МакАртни, он превратит виновного в собачью еду. Он действительно хотел думать, что это, должно быть, была сама Салазар, но его расследование полностью очистило ее. И все же кто-то слил это, и человек, который руководил Пограничной Безопасностью, был более чем отчаянным - и мстительным - чтобы принять это. В самом деле, он явно надеялся, что где-то в серии будут огромные жертвы. И ему удалось уговорить своих собратьев-Мандаринов также поддержать его, несмотря на противодействие Кингсфорда, на том основании, что без Парфянского Выстрела ФСЛ будет выглядеть слабым всякий раз, когда он отступает из звездной системы, защищенной эскадрой или двумя союзников.

В то время он спас свою совесть, надеясь, что его командиры на местах откажутся от убийства невинных людей. Думая об этом сейчас, он чувствовал только убийственное, заслуженное презрение к собственной наивности. Нет, к его собственному преднамеренному самообману. Это был акт моральной трусости - полагаться на готовность своих подчиненных не подчиняться приказам, которые им никогда не следовало отдавать. Даже если бы это не было отречением от его собственных обязанностей, он должен был знать, как Парфянский Выстрел в заднем кармане повлияет на мышление кого-то вроде Мартина Гогунова. Он ожидал лучшего от Хайду Гъезо, когда выбрал его для командования ОГ 1030, но, оглядываясь назад с мрачной честностью, он знал, что в этом он тоже обманывал себя.

Но что я мог сделать, когда гражданское командование сделало это прямым приказом, черт побери? Возможно, мне следовало бы подать в отставку вместо того, чтобы улыбаться и принимать директиву, но кого бы вы, пятеро, поставили на мое место, если бы я это сделал? Еще одну Крэндалл? Еще одного Филарету? Еще одного Бинга? Боже, я надеюсь, что в Службе нет второго такого! Но что бы я ни думал, я не подал в отставку, не так ли? А теперь ты хочешь использовать то, что кто-то не повиновался твоим приказам только потому, что кто-то еще приставил пульсер к его уху, чтобы избежать бесплатного билета в тюрьму?

Мысль была горькой, но озвучивать ее было бы бесполезно.

"На самом деле адмирал Юнц мог выполнить Флибустьер, несмотря на тактическую ситуацию," - сказал он вместо этого, как только убедился, что контролирует свой голос. "Вполне вероятно, что он убил бы еще несколько тысяч соларианских космонавтов, но мог бы."

"Я думаю, что Натан знает, что делает." Колокольцев нахмурился, задумчиво сузив глаза, очевидно не обращая внимания на уточнение Кингсфорда. "Тем более, что все остальные удары прошли так хорошо."

"Вы имеете в виду, кроме рейда адмирала Изотало на Аджай?" Кингсфорду удалось подавить гнев в вопросе, но с трудом.

Он до сих пор не знал, что случилось с Джейн Изотало и оперативной группой 1027. Кроме того, что ни один из ее линейных крейсеров не вернулся домой. От нескольких уцелевших единиц вице-адмирала Сантини стало очевидно, что манти устроили разрушительную засаду на стороне Аджая. То, как они сделали это, особенно когда Изотало была осторожна, чтобы разведать гипертоннел, прежде чем запустить линейные крейсера, было чем-то, что он очень хотел бы знать... а они не говорили. Казалось, что те же самые ЛАКи - кем бы, черт возьми, они ни были - которые они использовали, когда поймали Сантини с выключенными гипергенераторами, сыграли свою роль в катастрофе, но не было никакого способа быть уверенным, и последнее, что им было нужно - купиться на какие-то выводы - какие-то другие выводы - о том, что техника манти могла и не могла сделать.

"Конечно, адмирал". Колокольцев изволил выглядеть немного смущенным. "Никто не забывает цену, которую заплатил Флот. Если это прозвучало так, как будто я пренебрегаю тем, что произошло в Аджаяе - или в Гипатии, - я, конечно, не имел этого в виду."

"Понял, сэр," - ответил Кингсфорд.

"Я согласен со всем, что только что сказал Иннокентий." Абруцци звучал примерно так же искренне, как типичный информационный выпуск новостей, и ответный кивок Кингсфорда был

немного резким.

"Как вы оцениваете Флибустьер на данный момент, адмирал?" - спросил Колокольцев, прежде чем Абруцци смог сказать что-то еще.

"Моя общая оценка состоит в том, что с военной точки зрения это было достаточно - но не полностью - успешно, господин секретарь," - сказал Колокольцев более формальным тоном. "Потери были чрезвычайно тяжелыми в случаях с Гипатией и Аджаем, но мы были полностью успешны, без каких-либо потерь, в других шести атаках первой фазы. Мы поражаем цели на расстоянии более четырехсот световых лет и уведомили манти и их союзников о том, что если они хотят предотвратить дополнительные атаки, им придется рассеивать силы своего флота гораздо шире.

Очевидно, что это уменьшит угрозу того, что они могли бы сделать со своим "Большим Флотом". Я не в состоянии оценить, в какой степени Флибустьер обладает желаемым политическим эффектом. Единственное, что я могу сказать, это то, что наш анализ в УРФ показывает, что мы, вероятно, усиливаем враждебность по отношению к лиге в Окраине и, особенно, на Периферии. Но точно так же мы знали, что это может произойти, когда начали это."

"Что сказал старый докосмический философ?" - спросил МакАртни с резким смешком. "Что-то вроде лучше пусть боятся, чем любят?"

"Думаю, настоящая цитата: 'Лучше пусть боятся, чем любят, если вы не можете совместить это', сэр." Кингсфорд подчеркнул соединение. Слегка. "Речь шла о джентльмене по имени Никколо Макиавелли," - добавил он, когда МакАртни удивленно поднял брови.

Единственная причина, по которой я подписался на Флибустьер, заключается в том, что вы и Пограничная Безопасность чертовски хорошо доказали, что мы не можем совместить это на Окраине, добавил адмирал про себя с ядовитой горечью. Я только надеюсь, что, черт возьми, мы не заняты доказательством, что Манти могут.

"Боюсь, что сейчас нам придется согласиться на то, что нас боятся," - сказал Колокольцев, как будто он читал мысли адмирала. "И в таком случае, что у нас со второй фазой?"

"Мы на стадии подготовки, сэр," - ответил Кингсфорд. "Честно говоря, решение перевести дополнительные крейсеры на... миротворческие обязанности в Протекторатах сокращает нашу готовность."

"Сколько у вас линейных крейсеров?" - спросил МакАртни, мгновенно ошетилившись. "Что-то более четырех тысяч, я полагаю?"

"Пять месяцев назад у Боевого флота и Пограничного флота вместе было четыре тысячи четыреста двенадцать активных, и четыреста шестьдесят проходили плановый ремонт," - ответил Кингсфорд педантичным тоном. "В то время, - как адмирал Раджампет уже упоминал, я думаю, - мы были, по меньшей мере, на двадцать процентов ослаблены для наших миротворческих миссий на Окраине и Периферии. В частности, мистер МакАртни, в Протекторатах. С тех пор мы потеряли свыше четырехсот этих кораблей и их экипажей, и, учитывая устаревание наших супердредноутов, практически весь груз борьбы в этой войне ложится на этот класс кораблей. У нас есть еще сто восемьдесят или около того в резерве, и мы мобилизуем их как можно быстрее, но даже они не компенсируют потери кораблей, которые мы понесли с начала стрельбы."

Он холодно посмотрел на МакАртни. "В этих обстоятельствах переадресация этих дополнительных кораблей в Протектораты значительно сократила нашу готовность."

"Извините, адмирал, но Флот на то и существует, чтобы..." - горячо начал МакАртни.

"Хватит, Натан!" Резкий тон Колокольцева вызвал возмущенный взгляд постоянного старшего заместителя министра внутренних дел.

"Никто не утверждает, что мы можем позволить Протекторатам уйти," - нетерпимо сказал Колокольцев. "Вот почему мы боремся прежде всего с этим, вместо того, чтобы просто взять мяч и пойти домой. Но адмирал должен быть в состоянии сказать нам правду, хотим ли мы это услышать или нет, и он не отвечает за то, как мы попали в этот беспорядок. Это наше."

МакАртни на мгновение встретился с ним взглядом, затем резко вздохнул и снова посмотрел на Кингсфорда.

"Иннокентий прав, адмирал." Это звучало неохотно, но он не дрогнул. "Нам не нужно срывать на вас разочарование по поводу ситуации, возникшей не по вашей вине."

Это не было извинением, подумал Кингсфорд, но так будет до тех пор, пока не появится что-то лучшее.

"Я, конечно, могу понять ваше разочарование, сэр," - сказал он вслух. "Поверьте мне, у нас сейчас тоже есть это в Адмиралтействе."

"Я могу себе представить." Для разнообразия улыбка МакАртни выглядела совершенно искренней.

"Учитывая то, что вы только что сказали о наличии сил, насколько сильно может быть отложена вторая фаза?" - спросил Колокольцев, снова обращая внимание на адмирала.

"Сложно сказать, сэр." Кингсфорд пожал плечами. "Положение наших сил, конечно, меняется ежедневно. Мы демобилизовали большинство оставшихся супердредноутов и перераспределили их команды по линейным крейсерам и более легким единицам, выходящим из резерва - и на службу на новых линейных крейсерах, как только сможем их построить. Я приказал реверсировать этот процесс - по крайней мере, чтобы полностью укомплектовать около ста пятидесяти СД. Развертывание кораблей стены для рутинных обязанностей по обеспечению безопасности системы, по меньшей мере, расточительно, особенно с точки зрения рабочей силы, но один из них должен быть адски впечатляющим в Протекторатах, и использование их для наблюдения на наших наиболее беспокойных системах позволит отозвать линейные крейсера, которые мы уже развернули. Поскольку теперь они составляют нашу главную ударную силу, я смогу сконцентрировать их под рукой. Честно говоря, мне помог бы отказ от планирования и подготовки к операции Фабиус."

"Думаю, об этом не может быть и речи, адмирал". Выражение лица Колокольцева было обеспокоенным. "Если важно послать сообщение Гипатии, вероятно, еще важнее сделать это в случае Беовульфа."

И насколько хорошо это послание сработало в Гипатии, Мистер Постоянный Старший Заместитель Министра? язвительно подумал Кингсфорд.

"Сэр, при всем уважении, Фабиус будет смертельной прогулкой."

"Месяц назад вы, кажется, думали по-другому, адмирал," - отметил МакАртни.

"Месяц или два назад, сэр, у меня не было возможности изучить разведданные, которые с тех пор приходили мне на стол. У меня также не было возможности оценить, что случилось с вице-адмиралом Хайду. Напоминаю, что в Гипатии не было стационарных средств обороны, и, насколько нам известно, каждая выпущенная ими ракета выходила из внутренних магазинов крейсеров." Кингсфорд покачал головой. "Если Беовульф прикрыт супердредноутами и предварительно развернутыми тяжелыми ракетными подвесками, нам повезет, если сможем подвести дроны достаточно близко, чтобы найти цели даже для Парфянского Выстрела, а тем более в самом деле выпустить птичек."

МакАртни готов был взорваться, но Колокольцев успокаивающе поднял руку.

"Никто не хочет отправлять флот ни на какие "смертельные прогулки", адмирал. И, честно говоря, я думаю, что на данный момент мы могли бы также отложить реализацию второй фазы Флибустьера. То, чего мы уже достигли, оказывает существенное влияние на общественное мнение в Мирах Центра. Все опросы Малахая согласны с этим. И потери манти являются большей частью этого."

В самом деле, мистер Колокольцев? И что это за "потери манти"? удивился Кингсфорд. Смехотворно завышенные потери союзников, фигурирующие в официальных выпусках новостей, особенно раздражали человека, чьи мужчины и женщины заплатили такую непомерную цену кровью за фактические потери манти.

"В сложившихся обстоятельствах, - продолжил Колокольцев, - я думаю, что было бы целесообразно ... отложить второй этап."

"Я не буду притворяться, что пауза не приветствуется, сэр. Это дало бы нам время на восстановление запасов новых Катафрактов, и у меня есть сообщение от адмирала Киндрик о новой системе оружия, которую она хочет показать мне в Ганимеде. Последнее, что нужно сделать, это начать верить, что мы можем придумать чудо-оружие, просто щелкнув пальцами. С другой стороны, люди из НИОКР Технодайна, кажется, думают, что это - они называют это "Аста" - может представлять значительное увеличение нашей боевой мощи, и Киндрик соглашается. Учитывая то, насколько скептически она относится к заявлениям Технодайна, это говорит о том, что в этот раз они действительно могут что-то предложить."

"Задержка Флибустьера дала бы мне больше времени, чтобы оценить, что они придумали, и реорганизовать наше развертывание. На данный момент мы все еще сильно разбалансированы, и отвлечение на укрепление узловых пикетов, прикрывающих Протектораты и нашу границу с Талботтом, только усугубляют ситуацию. Захват Манти стольких гипертоннелей адски мешает нашим флотским передвижениям, как и торговому судоходству, и то, что должно быть обычным приказом развертывания, ... сейчас немного сложнее, чем раньше." Он поморщился от собственного массивного преуменьшения. "Если я смогу вернуть все подразделения Фазы 1 на базу и провести небольшую разумную перестановку, я смогу создать гораздо более сбалансированные целевые группы для Фазы 2, если и когда мы возобновим Флибустьер."

"Я вижу много достоинств в том, чтобы сделать все это, Иннокентий," - сказала Водославская, и Квотермейн решительно кивнула.

МакАртни, как и ожидалось, выглядел воинственным, но Абрुцци наконец тоже кивнул, хотя и с меньшим энтузиазмом, чем Квотермейн.

"Я тоже," - сказал он. "По крайней мере, это даст нам возможность тестировать сообщение, которое у нас уже есть. Это позволит мне услышать отклики от фокус-групп, по крайней мере, в наиболее близких системах Центра. Бондари, Фарадей, Севастополь, Лунаси - и некоторых других." Он недовольно нахмурился. "Я ненавижу то, с какой скоростью все это происходит. У нас просто нет времени делать достаточные выборки мнений, чтобы установить реальные линии тренда где-либо, кроме как в Солнечной системе, а на этот раз я боюсь, что нам нужно охватить гораздо более широкую аудиторию, чем обычно."

Это было освежающее признание, подумал Кингсфорд. Насколько он мог помнить, никто в федеральном правительстве не придавал особого значения общественному мнению вне Солнечной системы. Справедливости ради, большинство Центральных систем - единственных, с кем считались, когда доходило до этого - не очень заботились о федеральной политике. Они были изолированы от бюрократической навязчивости, поэтому единственное мнение, которое действительно имело значение, когда речь зашла о формулировании этой политики, - это мнение профессионального руководящего класса и тех, кто так или иначе жил на деньги правительства.

Честно говоря, мышление "внутри пояса Койпера", как репортер с Беовульфа - который в свое время был почти таким же раздражающим, как Одри О'Ханрахан в свое - отметил более двух столетий назад, работало в обоих направлениях. Люди внутри него не беспокоились ни о ком за его пределами; слишком много людей за его пределами никогда не задумывались о том, что происходило внутри; и он был так же погружен в этот менталитет, как и любой гражданский чиновник. Ну, может быть, не так глубоко, поправил он. В конце концов, он и Флот были ответственны за обеспечение федеральной политики - по крайней мере за пределами Центра - что означало, что они должны были знать о ее реальных последствиях. Но он никогда не задумывался о том, чтобы протестовать против этой политики, как кто-либо из этих толстых и счастливых гражданских жителей Миров Центра.

До сих пор.

"Итак, мы договорились о временной остановке второй фазы?" Колокольцев оглядел конференц-зал, пока все, включая МакАртни, не кивнули, а затем снова повернулся к Кингсфорду.

"Я думаю, что это все, о чем нам нужно было поговорить сегодня, адмирал. Спасибо, что пришли и за то, что вы как обычно откровенны."

"Это то, за что вы мне платите, сэр."

Кингсфорд улыбнулся, но еще не поднялся со стула, и Колокольцев удивленно посмотрел на него.

"Если позволите, я только хотел уточнить один момент, сэр," - сказал адмирал.

"Что это, адмирал?"

"Фабиус, сэр." Кингсфорд пожал плечами. "Это помогло бы моим передислокациям еще больше, если бы я мог убрать Фабиус из первостепенных вопросов. Он тратит много времени сотрудников Стратегии и Планирования, и попытки создать резерв для него, связывают более двухсот линейных крейсеров, которые больше нигде нельзя использовать. И, как я только что объяснил, за исключением какой-то совершенно непредвиденной технологической разработки, наша способность выполнить атаку в духе Флибустьера на Беовульф фактически отсутствует."

"Нет," - твердо сказал Колокольцев и покачал головой, когда Кингсфорд снова открыл рот.

"Я понимаю вашу точку зрения - ваши точки зрения, множественное число, я должен сказать, адмирал. И я полностью принимаю их обоснованность. Но я боюсь, что могут быть обстоятельства, при которых у нас не будет иного выбора, кроме как взять на себя обязательство выполнить Фабиус, несмотря на наши вероятные потери и даже если перспектива успеха... туманна. Я знаю, что вы не хотите это слышать. Впрочем, я не хочу этого говорить, и я молюсь, чтобы нам никогда не пришлось это делать, но такая возможность существует. Поэтому я боюсь, что нам нужен план для этого, и я уверен, что вы согласитесь, что нам также нужно постоянно обновлять этот план в свете всего, что мы узнаем о возможностях врага - или уязвимостях - и в свете любой из тех "непредвиденных технологических разработок", о которых вы только что упомянули. Если мы в конце концов должны сделать это, если мы должны послать ваших людей в отчаянной надежде, они должны по крайней мере следовать лучшему, наиболее всеобъемлющему боевому плану, который мы можем им дать."

Бюро Соларианской Новостной Службы Сектора Майя

Город Шаттлспорт

Система Курящая Лягушка

Сектор Майя

"Значит, ты хочешь, чтобы я поверила, что мой ас репортер - парень, который научил меня всему, что я знаю - не имеет ни малейшего понятия, о чем все это?" Лаура Лохен наклонилась назад в своем кресле, ее пятки неэлегантно подпирали стол. Огромная кошка породы беовульфский мэнкс, которая обладала невероятным именем Зигги, свернулась калачиком на ее блокноте, мурлыкая с грохотом, который угрожал сейсмографам по всему городу Шаттлспорт, а стакан в ее руке был наполовину заполнен янтарной жидкостью. Пятнадцать минут назад он был полностью заполнен. "Это то, во что я должна верить? Скажи мне, что это не так!"

"С риском испортить мой ореол," - ответил Кристофер Робин, протягивая руку к бутылке, которая была на три четверти заполнена той же янтарной жидкостью, "я понятия не имею. Zip. Нада. Nichts. Шиш. Нуль. Rien. Ingenting. Ničego. He... "

"О, заткнись!" - сказала Лохен со смехом. "Клянусь Богом, Крис, ты тратишь больше времени на изучение неизвестных языков, чем кто-либо еще, кого я знаю. И я также знаю, что ты делаешь это только для моего раздражения. В чем, можно сказать, ты преуспел превосходно."

"Ну спасибо, босс!" Робину было девяносто семь лет, вдвое больше, чем Лохен, но она была

руководителем бюро Соларианской Новостной Службы в Секторе Майя, тогда как он был просто ее старшим репортером.

Что очень хорошо подходило ему, подумал он, наливая еще Гленфидич в свой стакан, затем возвращая бутылку и ставя ее обратно на стол между Зигги и левой пяткой Лохен. Она была молода, проницательна и явно двигалась вверх, в то время как Бюро Майя находилось на задворках, по стандартам СНС, определенно все еще в младших лигах. Но это также сделало Майя отличным местом для будущих звезд высшей лиги, чтобы получить опыт, и это именно то, что делала Лохен. Лично он давал ей еще три года - пять максимум - до того, как домашний офис отправит ее на большие и лучшие дела.

Он будет скучать по ней, когда это произойдет, но он не будет ей завидовать. Для себя Робин посчитал Курящую Лягушку приятным местом, вдалеке от выгребных ям Миров Центра, который он освещал как дерзкий молодой новичок. Он не пошел бы так далеко, чтобы сказать, что он был в годах заката, но у него было меньше язв и он спал намного лучше, чем когда он считался одним из полудюжины лучших политических репортеров Старого Чикаго. В эти дни он считал себя больше тренером, чем игроком, кем-то, кто оставил свой след в профессии и теперь был доволен передавать свой опыт следующему поколению, прежде чем новое поколение воинов займет его место.

Он подозревал, что домашний офис тоже так думал о нем - когда случалось, что он вообще о нем думал - учитывая количество молодых восходящих репортеров, таких как Лохен, которых он отправлял на Майю. Он не мог придумать ни одной другой причины, которая оставляла бы таких хороших людей, как она, на Курящей Лягушке. Последние несколько десятилетий Сектор Майя был настолько тихим и упорядоченным, насколько это было возможно для сектора Протектората, известным в основном недостатком захватывающих новостей, которые он генерировал.

Во всяком случае, вплоть до недавнего волнения в Конго и Факеле, и, насколько он мог судить, никто в домашнем офисе не интересовался репортажем об этом Лохен и ее людей, в том числе некоего Кристофера Робина.

Вероятно, отвергли его, потому что они не хотели, чтобы их обвинили в том, что они дали Баллруму хорошую прессу, подумал он сейчас. Похоже на них. Бог знает, как я ненавижу угодливость редакции, когда я освещал Старый Чикаго. Не похоже, что с тех пор и стало лучше. Особенно со всем этим дерьмом о манти!

После двадцати трех лет наблюдения за Звездным Королевством Мантикоры, Народной Республикой Хевен и Эревоном с неудобно близкого расстояния Кристофер Робин знал, что он думает по поводу обвинений манти в империализме и воинственности. К сожалению, Малахай Абруцци сделал официальную позицию Лиги по этим вопросам кристально ясной, и СНС не собиралась противоречить Министерству Образования и Информации. Редакция, вероятно, не стала бы оспаривать версию Абруцци и в лучшие времена. И они, конечно, не собираются делать это в такое время.

Но, по крайней мере, мне не нужно подливать масла в костер Малахая, напомнил он себе. Он знал нынешнего постоянного старшего заместителя министра информации еще тогда, когда Абруцци был только очень амбициозным и недобросовестным молодым аппаратчиком, и этот человек не улучшался с возрастом. Это я и имел в виду, когда сказал Лауре, что не знаю, чем занимается Баррегос. Однако это не значит, что я не знаю, что он задумал за последние

несколько Т-лет. Я полагаю, что кто-то, кто все еще считал себя настоящим репортером, выкопал бы все тела и бросил бы их в центре городской площади, просто чтобы сделать насечки на пульсере, пока смотрит фейерверк. Так делает хороший репортер-расследователь, не так ли? Но, пусть вся галактика загорится, я буду проклят, если буду подкладывать поленья в костер. Кроме того, это Баррегос.

Он был поражен, когда осознал, как много значил этот последний факт для него, потому что он не мог вспомнить, когда в последний раз искренне восхищался соларианским политиком. По крайней мере на федеральном уровне; было, вероятно, по крайней мере полдюжины - может быть, даже целая дюжина - честных местных политиков в различных правительствах отдельных систем, хотя он оставлял за собой суждение об этом. Время, когда он освещал политику в столице Лиги, лишь изощрило, закалило и отполировало его презрение к профессиональным политическим бюрократам, которые руководили Лигой, и он слишком много узнал об Управлении Пограничной Безопасности. И все же Оравиль Баррегос, не просто профессиональный бюрократ, а чиновник УПБ, действительно заслужил его восхищение и уважение. Он дал народу Сектора Майя хорошее управление - честное управление, если на то пошло, когда лучшее, что кто-либо имел право ожидать от губернатора УПБ, было то, что он будет эффективным администратором, украв все, что не было прибито.

Кристофер Робин не собирался номинировать Баррегоса в святые, он узнавал того, кто наслаждался, пользуясь властью, когда видел это. Бог знает, он достаточно видел их в Старом Чикаго, и большинство из них наслаждались своей властью из-за льгот, которые шли с ней. Из-за того, как монументально коррумпированная система производила богатство, привилегии и эгоистическое подтверждение своего права на власть. И все же некоторые люди наслаждались этим просто потому, что это было то, в чем они были действительно хороши, потому что они знали, что могут сделать это лучше, чем девяносто процентов человеческой расы, и им нужна была профессия, которая бросала им вызов. И были даже некоторые, хотя они были самым редким подвидом среди всех, кто наслаждался этим, потому что это давало им возможность служить своим общинам. Чтобы сделать жизнь этих общин лучше, а не хуже.

Он подозревал, что в любом успешном политикане должен быть сплав всех трех причин, и особенно эгоизма. В конце концов, застенчивый интроверт вряд ли выдержит зубодробительную политическую драку. К сожалению, подавляющее большинство соларианских политиков склонялись к образцу мандаринов и попадали в первую категорию. Это было и в Баррегосе; Робин знал это. И все же, если бы богатство и привилегия были тем, чего он действительно желал, он мог бы приобрести это в огромных количествах за время нахождения в Майе, а он этого не сделал. Так что, да, он почти наверняка был из "наслаждающихся деятельностью", и Робин в частном порядке ожидал, что сегодняшняя пресс-конференция... по меньшей мере все объяснит. В конце дня итог будет подведен, в этом он доверял Оравиллю Баррегосу.

И поэтому он не собирался помогать кому-либо в Старом Чикаго гадить Баррегосу, независимо от того, что тот имел в виду.

Он поднял свой стакан в молчаливом тосте губернатору сектора и улыбнулся, вспомнив то, что одна из его наставниц сказала ему давным-давно.

"Настоящий трюк с искажением истории, - сказала она ему, - не в том, как вы записываете ее, а в том, что вы решили записывать - а что нет". Она улыбнулась над своей кружкой пива и

взяла еще крендель. "Уберите правильные слова, и вы сможете заставить Будду или Иисуса звучать как гунна Аттилу, не искажая их ни разу!"

Так что, возможно, я заставляю Аттилу походить на Будду, следуя той же политике, подумал он сейчас. Я полагаю, это возможно. Но я рискну с Баррегосом. Человек должен сделать что-то стоящее в своей карьере!

* * *

"Добрый вечер," - приветливо сказал Дэвид Уиллоуби, пресс-секретарь губернатора Баррегоса. "Спасибо, что присоединились к нам этим вечером."

Пресс-конференция - которая должна была быть менее "конференцией", чем кто-либо за пределами администрации подозревал - записывалась для последующей передачи по всей звездной системе, и он знал, что различные говорящие головы ждут в своих студиях, чтобы истолковать все, что он собирался сказать. Впрочем, большинство из них, вероятно, тихо - или не так тихо - размышляли над тем фактом, что им не было дано предварительной расшифровки. Это было достаточно необычно, что это должно было дать понимание, что будет нечто необычное, подумал Уиллоуби. И учитывая текущую галактическую ситуацию, "необычное" означало гораздо больше, чем в более нормальные времена.

Несмотря на это, на самом деле в студии было только три репортёра, которые старались не путаться под ногами технической команды, когда Уиллоуби посмотрел на умную стену, сконфигурированную в десятки отдельных окон, большинство из которых были заняты чьим-то электронным изображением. Подавляющее большинство репортеров прекратили физически посещать пресс-конференции еще до того, как человечество покинуло Солнечную Систему ради звезд, а сегодня вечером даже два или три окна были пустыми, необитаемыми. Уиллоуби заметил, кому были предназначены эти окна, и спрятал улыбку, глядя на это. Они пожалеют, что пропустили сенсацию.

"Я сразу перейду к делу," - сказал он своим слушателям - как физическим, так и виртуальным. "Как все мы знаем, галактика в последнее время в целом была в том состоянии, которое мы могли бы, мягко говоря, назвать "беспорядком". Здесь, в нашем изолированном уголке, мы видели его очень мало, несмотря на нашу близость как к Республике Хевен, так и, благодаря Хеннесси и терминалу Терра Аут, к Звездной Империи Мантикора. Наше относительное спокойствие было огромным благословением, и наши местные дела - и экономика - в отличной форме, несмотря на проблемы, с которыми сталкивается федеральное правительство. Однако поддерживать это спокойствие в последнее время стало... значительно сложнее, скажем так. На самом деле, это стало намного сложнее, чем осознавали мужчина или женщина-с-улицы."

Выражение лица Уиллоуби было сдержанным, но мрачным, и Кристофер Робин нахмурился, наклонившись вперед в своем кресле, порхая пальцами по виртуальной клавиатуре, чтобы делать заметки и делать закладки для видеоклипов. Он хорошо знал Уиллоуби. Они спокойно поужинали и выпили менее двух недель назад в МакАльтонс, одном из лучших столичных ресторанов и пивных баров. Дэвид даже не намекал на какие-то существенные истории в то время, и он задавался вопросом, понял ли Дэвид, что происходит. Представители некоторых политиков, возможно, предложили бы Робину сфабрикованную новость, но это было не в стиле Баррегоса. Кроме того, Робин не думал, что это было официальное мрачное лицо Дэвида, то, которое он надевал, когда ситуация переходила к тому, что они оба в шутку называли Shitcon

One. И не то, который он использовал для Shitcon Two или даже Shitcon Three.

Все это были фиксированные выражения, готовые быть выставленными в случае необходимости. Это выглядело... подлинным. Его голос мог быть спокойным, даже тон, но в его глубинах было напряжение, и что-то, что могло быть возбуждением, мелькнуло в его глазах.

"Правительству сектора стало известно о некоторых угрозах безопасности сектора некоторое время назад, еще до того, как прискорбный инцидент в Новой Тоскане спровоцировал нынешнюю напряженность между Лигой и Мантикорой и ее "Большим Альянсом" с Грейсоном и Республикой Хевен. В то время были предприняты определенные шаги для защиты от этих потенциальных угроз для жизни и имущества наших граждан. Однако совсем недавно губернатор Баррегос, заместитель губернатора Броснан, адмирал Розак, бригадир Олфри и директор сектора разведки Вайс узнали о новой, более коварной и потенциально гораздо более опасной угрозе для всего сектора Майя и даже наших соседних суверенных звездных систем."

Глаза Робина сузились, и он посмотрел на Лохен. Она откинулась на спинку стула, клавиатура развернулась на коленях в ее любимой расслабленной позе для заметок, но в ее глазах не было ничего расслабленного, и он мысленно кивнул в знак одобрения. Инстинкты его протеже явно заметили язык тела Уиллоуби.

"Настало время, чтобы все наши граждане были осведомлены об этой угрозе," - сказал пресс-секретарь. "И сделает это..."

Он отступил на полшага от трибуны перед камерами и махнул рукой в знак уважения и представления.

"Леди и джентльмены," - сказал он, "достопочтенный Оравиль Баррегос, губернатор сектора Майя."

Спинка кресла Лоры Лохен выпрямилась, и она проглотила приглушенное проклятие. Ни один из розданных материалов даже не намекнул, что Баррегос будет присутствовать лично. Это не было абсолютно беспрецедентным для него, встретить прессу в непривычной обстановке, но за все время его пребывания губернатором Майя он провел менее двух десятков массовых пресс-конференций, и его индивидуальные интервью один на один всегда были запланированы заранее. Почему же он...?

"Добрый вечер, леди и джентльмены," - бодро сказал Баррегос. "Я понимаю, что мое присутствие было неожиданным, но я думаю, вы скоро поймете причину этого. Как Дэвид уже сообщил вам, сегодня вечером брифинг будет транслироваться по всей системе. Моя цель - пригласить вас принять участие во время записи, чтобы дать вам возможность подготовить свои собственные комментарии и освещение до того, как это произойдет. Пожалуйста, имейте в виду, что я также ссылаюсь на Закон об Официальной Тайне. То, что я собираюсь сказать, не должно утечь, по причине или без нее, до тех пор, пока не будет официально выпущена трансляция. Пожалуйста, поверьте, что за любыми нарушениями этого ограничения, если они произойдут, последует наказание в полном объеме закона."

Он посмотрел в камеру, его круглое лицо и обычно обманчиво мягкое выражение лица стало жестким, и Робин кивнул самому себе. ЗОТ предоставил правительству карт-бланш для классификации всего, что оно хотело, тайной и запрета любому сообщать об этом, а штрафы были суровыми. Никто не нарушал его, особенно здесь, в Протекторатах. Ему показалось интересным, что у устаревшего, деспотического монархического правительства нео-варваров

манти было гораздо меньше полномочий диктовать прессе. Никто никогда не мог объяснить ему, почему этого не было в Солнечной Лиге, этом благородном защитнике всего, что было правильно, хорошо и свободно.

"Я должен сделать заявление и объявление," - продолжил Баррегос, предоставив аудитории время, чтобы переварить свое предупреждение. "Сегодня вечером не будет никаких вопросов, но завтра утром в резиденции губернатора мы организуем пресс-конференцию. Это будет физическая конференция "старой школы". Я буду принимать вопросы только от тех репортеров, которые действительно находятся в комнате, и частные лица будут приниматься в порядке живой очереди, пока не кончатся имеющиеся места. Этим гражданам также будет разрешено задавать свои вопросы. Эта конференция будет транслироваться вживую по всей Системе Майя и как можно быстрее будет передаваться в любую другую систему в Секторе. Она также будет передана в Старый Чикаго и федеральное правительство."

Пресс-конференция будет "передана" федеральному правительству? Робин моргнул. Почему во имя Бога?

Баррегос отрегулировал дисплей на подиуме, намеренно позволив тишине гудеть в течение нескольких секунд. Было очевидно, что именно поэтому он сделал это, так как, закончив настройку, он ни разу не посмотрел на текст, который мог видеть только он.

"Начиная намного раньше, чем год назад, - начал он, - в свете растущей неопределенности межзвездной ситуации - сначала с возобновлением и усилением войны между Звездной Империей Мантикора и Республикой Хевен, затем с атакой "неизвестной стороны" на двойную систему Мантикора и, наконец, с высокой напряженности и фактического насилия между "Большим Альянсом" и флотом Солнечной Лиги - адмирал Розак предложил, и я санкционировал определенные шаги по защите нашего сектора, насколько это возможно из наших собственных ресурсов. Нам казалось разумным развивать эту способность, учитывая наше расстояние от Центральных Миров и вероятность того, что флот окажется полностью занятым - даже чрезмерно занятым - в отдаленных районах Окраины и Периферии и будет неспособен реагировать так быстро или как сильно, как он, без сомнения, предпочел бы сделать. Я думаю, что мудрость нашего решения была четко продемонстрирована.

Благодаря этому, в октябре прошлого года мы смогли успешно защитить нашего соседа и союзника, Королевство Факел, от нарушения Эриданского Эдикта, которое привело бы к миллионам жертв без вмешательства наших доблестных флотских сил под командованием адмирала Розака."

Он спокойно посмотрел в камеру, встретившись глазами со всей аудиторией.

"Их потери были тяжелыми, гораздо тяжелее, чем кто-либо из нас ожидал, и с которыми было бы легко жить. Тем не менее, без мер, которые мы уже предприняли, Факел был бы сегодня пеплом. И, как я уже сказал, это само по себе было полным оправданием этих мер. Но теперь кажется, что они были даже более оправданы, чем мы думали раньше."

Робин поймал свою нижнюю губу между зубами. Это была старая привычка - то, как он удерживал себя от свиста от удивления. Он ожидал чего-то значительного, но то, к чему это шло...

"Около шести месяцев назад, - продолжал Баррегос тем же ровным голосом, - наши

спецслужбы узнали о некоторых тайных встречах между людьми в некоторых соседних звездных системах нашего сектора и неизвестной внешней силой. Эти ... тайные контакты включали Кондратий, Казак, Мероа и Кимбри. Однако ни в одном случае не было контактов с правительствами систем."

Робин прищурился. Каждая из этих звездных систем, хотя и была номинально независимой, была, на самом деле, собственностью одной из любимых корпораций УПБ, благодаря своей собственной местной клептократии, с Пограничной Безопасностью, вырисовывающейся на заднем плане.

Их граждане были несчастны из-за своего статуса должника-батрака.

"В то время, - сказал губернатор, - мы не имели представления о том, о чем могли быть эти контакты, за исключением того факта, что они, по-видимому, были направлены на тех, кого можно разумно описать, с указанием или без указания их мотивации, как недовольные элементы. Это показалось нам зловещим на фоне напряженности, распространяющейся по Окраине и Периферии в целом. Как следствие, мы удвоили нашу собственную бдительность здесь, в Секторе, и еще больше ускорили другие меры, которые мы уже приняли, но мы не нашли никаких доказательств того, что рассматриваемая внешняя сила пыталась связаться или влиять на кого-либо из наших собственных граждан."

"Затем, чуть более трех месяцев назад, все изменилось."

Он сделал паузу, позволяя своей аудитории застыть в догадках, затем продолжил спокойно.

"С нами здесь, в Шаттлспорте, - со мной лично, в моем офисе в Резиденции, - очень тихо связался некто, кто представился представителем Звездной Империи Мантикоры. Этот человек искал встречи со мной, чтобы предложить то, что равносильно декларации - или, возможно, подходящим словом будет переутверждение - независимости Сектора Майя. Решение выселить из Сектора Управление Пограничной Безопасности, Пограничный Флот, Жандармерию, все органы Солнечной Лиги и отказаться от наших согласованных платежей Лиге за оказанные услуги."

"О... Боже...", - пробормотала Лохен, широко раскрыв глаза от недоверия, и Робин покачал головой. Технически, как предполагает использование Баррегосом слова "переутверждение", Сектор Майя был независимой ассоциацией звездных систем, которая добровольно приняла центральную солнечную администрацию, управляемую Пограничной Безопасностью под защитой ФСЛ, чтобы "лучше регулировать" свою торговлю с ними и с галактикой в целом. И поэтому - технически - системы-члены сектора могут свободно выходить из этой административной сети в любое время по своему выбору.

Точно так же, как каждый член системы Солнечной Лиги был по закону свободен выходить из Лиги, когда бы он ни захотел. До тех пор, пока кто-то не попытался это сделать.

"Я не согласился с его предложением," - сказал Баррегос в звенящем молчании. "Однако я и не отверг его. Мне казалось разумным точно определить, что имела в виду Мантикора, так как трудно выработать ответ или контрстратегию, не зная, с кем сталкиваешься. Итак, я продолжил свои беседы с мистером Эллингсеном - под этим именем он представился мне - и также привлек адмирала Розака в качестве моего военного представителя и эксперта. На самом деле я хотел, чтобы адмирал Розак, чей ум и мнение я глубоко уважаю, имел

возможность оценить как предложение Эллингсена, так и потенциальные мотивы Мантикоры."

"В ходе этих дальнейших бесед мистер Эллингсен дал понять, что именно Звездная Империя контактировала с нашими межзвездными соседями. Более того, он откровенно признал, что правительство королевы Елизаветы полагало, что провозглашение независимости Майя - которое, по их мнению, федеральное правительство посчитает враждебным актом, особенно учитывая постоянно ухудшающуюся напряженность в отношениях между Старым Чикаго и Лэндингом, - заставит флот Солнечной Лиги распределить имеющиеся космические корабли, тем самым ослабляя его способность атаковать или защищаться от Большого Альянса. Хотя он был осторожен, чтобы не сказать так много слов, из того, что он не сказал, было очевидно, что контакты Звездной Империи с другими звездными системами простирались далеко за пределы Сектора Майя.

По сути, он приглашал нас принять участие в грандиозном стратегическом маневре, призванном спровоцировать волнения, сопротивление и прямое восстание в Протекторатах и среди тех систем Окраины, которые имеют самые близкие отношения с Лигой, и Звездная Империя была готова предложить финансовую помощь, оружие и флотскую поддержку всем, кто делает это."

Он покачал головой, выражение его лица было еще более серьезным, чем раньше.

"Излишне говорить, что такая стратегия могла зарекомендовать себя с мантикорской точки зрения. И давайте будем честными. Несмотря на наш собственный опыт здесь, в Майя, в Окраине есть много мест, и не мало на Периферии, где вооруженное восстание против невыносимых местных условий было бы полностью оправданным."

"Дерьмо!" - пробормотала Лохен. Губернатор УПБ только что согласился с тем, что реальное насильственное восстание против спонсируемых Лигой местных органов власти или даже самой Пограничной Безопасности может быть оправдано? Когда копия этого придет в Старый Чикаго...

"Очевидно, что граждане Майя не сталкиваются с такими суровыми обстоятельствами," - продолжил Баррегос. "Однако было бы упущением, если бы я, как губернатор Майя, не узнал все, что мог, о намерениях Мантикоры и Союзников, и о том, как они могут повлиять на мой сектор и граждан, за безопасность и благосостояние которых я несу ответственность. Поэтому я продолжил свои дискуссии с мистером Эллингсеном, и он зашел так далеко, что пригласил адмирала Розака указать, сколько эскадр кораблей стены нам потребуется для обеспечения нашей безопасности, когда мы объявим о своей независимости и солидарности с Альянсом. Короче говоря, Звездная Империя была готова отправить целый боевой флот, оснащенный новейшим и самым современным оружием, чтобы поддержать нас против ФСЛ."

Робин понял, что перестал дышать, и напомнил себе вдохнуть.

"Это было... интересное предложение, - сказал Баррегос с огромным преуменьшением, - не говоря уже о четком указании на то, насколько серьезной была королева Елизавета в этом предприятии. В тот же визит мистер Эллингсен принес мне личное записанное послание сэра Энтони Лэнгтри, министра иностранных дел Мантикоры, поблагодарившего меня за желание выслушать мистера Эллингсена и повторив твердое обещание Звездного Королевства о военной поддержке. Не могло быть более четкого доказательства того, что предложение было подлинным, реальным и искренним."

Он сделал паузу, чтобы сделать свежесделанный глоток воды, затем опустил стакан и слегка пожал плечами.

"В этих обстоятельствах я был удивлен, но не очень поражен, когда другой мантикорский офицер тайно прибыл в Шаттлспорт. Однако я был несколько озадачен ее рангом." Впервые он улыбнулся. Это была удивительно холодная тонкая улыбка. "Обычно никто не ожидает, что Второй космический лорд Королевского Мантикорского Флота, командир мантикорской флотской разведки, окажется в кабинете губернатора Соларианского сектора."

"Что?" Лохен обернулась и посмотрела на Робина. "Патрисия Гивенс прибыла и ушла из Шаттлспорта, и мы не заметили этого? Святой Франциск, Крис! Если бы у меня были яйца, домашний офис оторвал бы их, когда узнал, что мы это упустили!"

"Это касается и меня, босс." Робин беспомощно покачал головой. "Я имею в виду, она шпионка и хорошая. Думаю, не слишком удивительно, что..."

"И вы ожидаете, что домашний офис примет эту линию рассуждений?" Выражение ее лица было, по меньшей мере, скептическим, чтобы не сказать больше.

"Ну, нет..."

"Как я уже сказал, - продолжил Баррегос, спасая Робина от дальнейшего ответа, - я был довольно удивлен, увидев адмирала Гивенс в моем кабинете. Однако это не так удивило меня как то, что она пришла мне сказать, почему Большой Альянс полагал, что ее послание было достаточно важным, чтобы его мог нести тот, кого я должен воспринимать серьезно."

Глаза обоих репортеров снова уставились на лицо губернатора, и он медленно покачал головой.

"Сообщение адмирала Гивенс было простым. Звездная Империя Мантикора узнала о том, что можно было бы назвать операцией "фальшивого флага", направленной против нее той же организацией, которая, по их мнению, была ответственна за Удар Явата в двойной системе Мантикора. Фактически, некто, декларирующий себя в качестве Мантикоры, обещал поддержку флота, которую он, она или они не собирались оказывать, местным группам сопротивления или оппозиции, чтобы разжечь насильственные восстания против соларианской власти или интересов в как можно большем числе звездных систем. По ее словам, цель заключалась в том, чтобы возложить на Звездную Империю ответственность за провоцирование кровопролития - кровопролития, которое приведет к гибели миллионов людей - как циничный маневр, чей общепризнанной целью будет отвлечь соларианские флотские силы от прямой конфронтации с Альянсом.

Я уверен, что все вы можете себе представить, как федеральное правительство отреагирует на это, но это, очевидно, также было направлено непосредственно на людей-с-улицы из Миров Центра, которые - вполне разумно - посчитают это мерзкой и предательской уловкой, ожидаемой только от звездной нации, которая, как им сказали, имеет грубые империалистические замыслы на каждую звездную систему в пределах ее досягаемости. И, помимо ярости, которую, как зачинщики операции были уверены, она спровоцирует в Лиге, они также намеревались разрушить дипломатическую репутацию Мантикоры со всеми, кто находится за ее пределами. В конце концов, какая звездная система или звездная нация могли когда-либо доверять слову кого-то, кто преднамеренно спровоцировал насилие и открытую войну во многих системах, а затем стоял и ничего не делал, когда люди, которым они обещали

помочь, были подавлены местными властями, с помощью Лиги или без нее?"

Рот Робина открылся. Затем он закрылся со щелчком, и его глаза вспыхнули, когда он осознал, насколько катастрофическими были последствия стратегии, описанной Баррегосом, для Мантикоры и ее союзников.

"Учитывая то, что адмирал Гивенс не просто пришла ко мне лично, но привезла с собой неопровержимые доказательства своей личности и прямое послание королевы Елизаветы, которое, в отличие от того, которое по утверждению "Эллингсена", исходило от министра иностранных дел Лэнгтри, было зашифровано официальным дипломатическим шифром Звездной Империи, и у меня не было другого выбора, кроме как поверить, что она была подлинным посланником Мантикоры ... а "Эллингсен" - нет. Те, кто стояли за "Эллингсеном" - а адмирал Гивенс дала понять, что Большой Альянс считает, что это Мезанское Соглашение, о котором они предупреждали нас уже несколько месяцев, - они были готовы увидеть, как весь наш сектор поднимется в жестком противостоянии Солнечной Лиге и будет уничтожен, когда соларианский флот ответит силой, мы обратимся за помощью, которую нам обещали ... и абсолютно никто не придет. Это было то, что хозяева Эллингсена, кем бы они ни были, хотели, чтобы это произошло здесь, в Майя."

Он сделал паузу, чтобы выпить воды, и на этот раз Робин не мог отвести взгляд, чтобы увидеть реакцию Лохен. Тихий звук стакана, когда губернатор опустил его, казался оглушительным.

"Затем, чуть более двух недель назад, - продолжил он, - мистер Эллингсен и его компаньон вернулись в Шаттлспорт с целью, как они думали, подтвердить нашу готовность действовать так, как они предлагали, и завершить координацию обещанной "флотской поддержки". Разумеется, они были, - на этот раз его улыбка была, как скальпель, - несколько удивлены, когда я приказал вместо этого взять их под стражу. Однако, - улыбка исчезла, - теперь уже мы были удивлены, когда они сразу же умерли прямо в моем кабинете. По словам наших экспертов-криминалистов, оба они умерли по совершенно естественным причинам... менее чем через полминуты друг за другом. И небольшая катастрофа в судоходстве, о которой многие из вас могут вспомнить, произошла примерно в то же самое время - это транспорт, доставивший их на Курящую Лягушку, взорвался на орбите.

Двенадцать морских пехотинцев адмирала Розака в это же время совершили длительный свободный полет по баллистической траектории, чтобы сесть на это судно и арестовать его экипаж. Все они, - его взгляд помрачнел, - погибли в этом взрыве. Их ближайшие родственники в данное время информируются о жертве, которую эти мужчины и женщины принесли за всех нас."

Он глубоко вдохнул и расправил плечи.

"Я дал вам это длинное объяснение, чтобы установить контекст того, что я собираюсь объявить. Это решение не было принято легко, и, если честно, это решение я начал рассматривать только в последние несколько месяцев. Оно представляет реакцию на бурю, которая, как я видел, собирается в течение многих Т-лет. Я бы никогда не предсказал, в какой форме она придет в конце концов, но я долгое время считал, что подобная буря неизбежна. И поскольку это было неизбежно, я был обязан подготовиться к этому, что я и сделал, при умелой помощи адмирала Луиса Розака и нескольких других смелых людей. Не легко воплощать меры, которые мы подготовили, в действия, но считаю, что у меня нет другого выбора, кроме как сделать это."

"Поймите меня, леди и джентльмены из прессы, вы все видите это дома. Я не знаю - я думаю, что никто не знает - прав ли Большой Альянс относительно существования этого Соглашения Мезы. На первый взгляд это кажется нелепым, смешным - невозможным! Но, несмотря на это, кто-то, чьи цели явно враждебны не только Звездной Империи Мантикоры или Республике Хевен, но и всем, попытался втянуть нас в акт самоубийства во всем секторе. Назовем ли мы этого кого-то Мезанским Соглашением или просто "неизвестной силой", не имеет значения. Важно то, что силы, пытающиеся разорвать всю исследованную галактику, оказались даже более опасными, чем любой из нас воображал.

И то, что ответственные за это люди продемонстрировали такой размах, такую наглость, как мне кажется, ясно подтверждает, что, что бы мы ни думали об идентификации мантикорцами их врага, они с самого начала были абсолютно точны в отношении существования этого врага и того, как Солнечная Лига позволила ему манипулировать собой. Сегодня вечером, леди и джентльмены, сограждане, я говорю вам о том, что Мантикора говорит правду и что какая-то темная, злая сила поставила перед собой задачу уничтожить не просто Звездную Империю и ее Союзников, но все, включая Солнечную Лигу - что может помешать ее собственным планам, какими бы ни были эти планы в конечном итоге."

"И наше федеральное правительство делает ... именно... то... что... они... хотят..."

Последние полдюжины слов были произнесены с паузами и тяжело. Он позволил им упасть в новый омут молчания, и Робин с трудом сглотнул.

"Они никогда не поверят в это в Старом Чикаго," - пробормотала Лохен, когда губернатор снова сделал паузу. "Никогда!"

"Может и нет," - признал Робин. Затем он повернулся, чтобы посмотреть ей прямо в глаза. "Но ты в это веришь?"

Она глядела на него пять или шесть вдохов, затем ее плечи опустились.

"Да," - прошептала она. "Верю, да поможет мне Бог."

"Тогда нас двое," - сказал он почти сочувственно. "Я..."

"Когда я понял это, - продолжил Баррегос, оглядываясь на дисплей, - когда я понял, что правительство в Старом Чикаго шаг за шагом движется к катаклизму, который наш общий враг создал для всех нас, я понял, что я должен сделать. Не без страха и трепета. Не без глубокого сожаления. Не без понимания, как те, кто не согласен со мной, будут истолковывать мои действия, мои решения. Но хотя мнения других имеют значение, они не диктуют мои действия. Единственные силы, которые могут это сделать - три судьи, к которым я обращаюсь - это история, моя собственная совесть и воля граждан Сектора Майя."

"И именно поэтому я стою здесь сегодня вечером, чтобы объявить, что я прекращаю с этого момента отношения Сектора Майя с Солнечной Лигой. Все органы федеральной власти в Секторе теперь передаются под местный контроль. Я призываю к спокойствию, сотрудничеству, сохранению документации и упорядоченному продолжению наших судебных, законодательных и нормативных процедур. Однако сегодня вечером Сектор Майя станет Автономным Региональным Сектором Майя, независимой ассоциацией суверенных звездных систем."

Робин недоверчиво покачал головой. За всю историю Солнечной лиги ни один из губернаторов секторов никогда не заявлял о своем открытом восстании против федеральной власти в Старом Чикаго. Последствия решения Оравилы Баррегоса могут соперничать, а может быть, и превзойти последствия решения Беовульфа и Гипатии голосовать за отделение, потому что Баррегос решил выйти в совершенно неизведанные воды. Беовульф и Гипатия имели по крайней мере букву Конституции на своей стороне, что бы в конечном итоге не решила судебная система Лиги.

Все, что имел Баррегос, это моральный авторитет.

"Друзья мои, - сказал губернатор, как будто он услышал мысли Робина, - ни один сектор, управляемый УПБ, никогда не выходил из своих отношений с Лигой, и поэтому, так или иначе, в моем решении нет никакого юридического прецедента. Я понятия не имею, как федеральное правительство отреагирует на это, хотя, - он на самом деле слегка улыбнулся и покачал головой, - я был бы удивлен, если бы хорошо. Это, однако, касается меня гораздо меньше, чем ваша реакция. Я записал и передал сообщение всем звездным системам в секторе, вызвав представителей правительств этих систем в Шаттлспорт. Я понимаю, что у нас уже есть делегаты из этих систем на Курящей Лягушке, но я чувствую, что эти шаги далеко выходят за рамки любого решения, которое, как мужчины и женщины могли представить, их попросят принять, когда их отправили сюда, чтобы помочь регулировать торговлю и принимать решения по гражданским делам.

Поэтому я считаю целесообразным и уместным, чтобы сюда были посланы делегации, специально уполномоченные заниматься этим."

"Когда эти делегации соберутся в Шаттлспорте, я предоставлю им все свои доказательства, все причины моего решения. Я попрошу их подтвердить мои действия... или отклонить их. Если они решат отказаться от моего решения, вся ответственность за мои действия ложится на меня, а не на мужчин и женщин Сектора Майя. Однако, если, как я надеюсь, они ратифицируют мое решение, тогда вы и я, ваши жены, мужья и дети - все мы - отправимся в путешествие, которое многие мужчины и женщины совершили за всю историю человечества. Мы возьмем нашу судьбу в свои руки и скажем всем - соларианам, мантикорцам, неизвестным врагам, кому угодно - что мы наметим свой собственный путь, примем собственные решения и никогда больше не станем ничьим инструментом. Я знаю, что это пугающая мысль. Я знаю, что многим из вас будет трудно со мной согласиться.

Но у меня нет выбора. У меня есть ответственность, обязательства, долг которые требуют от меня выбора пути, и поэтому я выбрал. По древним словам одного из лидеров одного из великих реформаторских движений Старой Земли: "Здесь я стою. И не могу иначе.""

Он сделал паузу, глядя в камеру несколько бесконечных тихих мгновений, затем глубоко вздохнул и кивнул.

"Доброго вечера, леди и джентльмены," - сказал он, и его изображение исчезло.

Адмиралтейство и

Харрингтон Хаус

Город Лэндинг

Двойная система Мантикора

"Извините, я опоздала," - сказала Хонор, когда Спенсер Хоук последовал за ней через дверь и отошел, чтобы встать сзади нее. "Детали в последний момент."

Коммодор Мерседес Брайэм последовала за Хоуком с личным компьютером под рукой, а лейтенант-коммандер Тюммель шел сзади.

"Я не могу себе представить, как что-то подобное могло бы случиться с кем-то, у кого столько свободного времени, как у командующего Большим Флотом," - сказал Томас Тейсман, указывая на свободные кресла напротив него.

"В аду есть особое место для тех, кто высмеивает подчиненных и их трудности." Хонор агрессивно нахмурилась, заняв одно из указанных мест, и Нимиц с легкостью опустился на спинку. Брайэм заняла кресло рядом со ней, в то время как Тюммель нашел место среди рядов помощников, сотрудников и других флаг-лейтенантов, расположившихся позади стола в огромном конференц-зале.

"Подчиненных?" Тейсман вытаращил на нее глаза.

"Я, - отметила она, - не начальник Объединенного комитета начальников штабов. В отличие от кое-кого, кого я могла бы назвать - на самом деле, в отличие от трех других, кого я могла бы упомянуть, - я всего лишь скромный командующий флота."

Тейсман фыркнул, хотя - по крайней мере, технически - она была права.

Потребовалось некоторое время, чтобы официально организовать Объединенный комитет. К счастью, их импровизированные временные договоренности сработали так же хорошо, как и должны, но ничто такого размера, как Большой Альянс, не могло действовать таким образом до бесконечности. Было слишком много совершенно законных различий во взглядах и акцентах, и не просто с точки зрения стратегии или тактики. Какой-то орган - какая-то организация - должна была формально отвечать за устранение этих различий, и, таким образом, родился Объединенный комитет.

Он думал, не был ли Иуда Янаков так же разозлен, как некий Томас Тейсман, из-за формы, которую он, наконец, принял.

Веди себя хорошо, Том, мысленно выругался он. Кто-то должен это делать, и ты чертовски хорошо знал, что будешь представлять Республику. Если ты не хотел работать здесь, то должен был оставаться честным космонавтом и никогда не лезть в выгребную яму политики. И, по крайней мере, ты знаешь, что у тебя есть компетентная замена. Не говоря уже о том, что Паскалин вряд ли будет стрелять в тебя, когда ее выпустят из тюрьмы!

При этой мысли он усмехнулся про себя, хотя не был уверен, что она была совершенно шутливой. Адмирал Паскалин Л'англэ командовала столичным флотом Республики, потому что она, по его мнению, была одним из лучших флаг-офицеров - возможно, лучшим флаг-офицером после Лестера Турвиля - в Республике. Если кто-то подходил для командования Оперативной группой 2, хевенитской составляющей Большого Флота, то это была Л'англэ, особенно после

того, как Турвиль был послан для усиления десятого флота Мишель Хенке. Фактически, она должна была командовать ею с самого начала, после его возвращения домой, чтобы управлять военным министерством. К сожалению для нее, его присутствие в качестве второго командующего Большим Флотом было необходимо для конфронтации с Филаретой, что задержало ее прибытие.

Она запоздало добралась до Мантикоры чуть больше месяца назад, и у них с Хонор создались четкие, профессиональные отношения, основанные на их уважении к компетенции друг друга. К сожалению, было правдой, что Л'англэ была не совсем довольна союзом Республики с Мантикорой. Она понимала его необходимость, и она не была ненавистницей манти, но ей было трудно полностью оставить позади враждебность между двумя звездными нациями. С другой стороны, Тейсман не сомневалась в ее лояльности или способности принимать приказы, несмотря на любые частные оговорки, которые она могла бы лелеять. Она была первым командиром оперативной группы Народного флота за пределами системы Хевен, заявившей о своей поддержке старой Республики после того, как он застрелил Оскара Сен-Жюста. Что касается остальной части ее квалификации ...

Хонор, вероятно, права, что, как бы ни были хороши древесные коты, они не обязательно являются лучшими ценителями тактических способностей человека, но они идеально определили Паскалин, когда решили назвать ее "Воин". Она оправдывает это, когда придет время.

И ее прибытие освободило его для других обязанностей... черт бы их побрал.

Объединенный комитет начальников штабов состоял из него, сэра Томаса Капарелли и гранд-адмирала Янакова, который (не без явного раздражения) передал командование Оперативной группой 3, грейсонским компонентом Большого Флота, Альфредо Ю. У каждого из них был помощник начальника штаба, в его случае это контр-адмирал Аленка Бордервик, которая получила долгожданное повышение в должности, чтобы принять назначение на этот пост. Должность начальника Объединенного комитета чередовалась между Мантикорой, Хевеном и Грейсоном ежемесячно, что было гораздо чаще, чем он первоначально надеялся. Он боялся, что частая смена приведет к всевозможным проскальзываниям и незначительным, но раздражающим источникам трения, и так могло бы случиться, если бы не адмирал Аллен Хиггинс. Он занимал постоянную должность заместителя начальника комитета, и его обязанностью было поддерживать сплоченность и преемственность.

Тейсман был впечатлен его компетентностью, но он также понимал, почему Капарелли, Белая Гавань и Хонор единодушно выдвинули его на эту должность, а не на командование флотом. Частично это было из-за его несомненных и неоспоримых способностей. Он был одним из самых ярких и хорошо организованных флаг-офицеров, которых когда-либо встречал Тейсман, а эти два качества не всегда путешествовали вместе. Но он также был мантикорским командером, когда операция Удар Молнии прокатилась по станции Грендельсбейн.

Именно Хиггинс был вынужден уничтожить двадцать или тридцать лет мантикорских инвестиций и строительных мощностей - не говоря уже о строящихся там кораблях, - когда Королевский Флот Мантикоры на горьком опыте узнал, что Республика Хевен получила свои мультидвигательные ракеты. Комиссия по расследованию одобрила его действия самым решительным образом, но это не помешало Хиггинсу почувствовать, что он должен был сделать лучше. Что он должен был как-то предвидеть хевенитские МДР и найти способ предотвратить уничтожение его собственных СД(п) и обширной базы данных, когда ни одна

другая душа в мантикорском флоте или его разведывательном учреждении даже не подозревала, что задумала Шеннон Форейкер в Болтхоле.

Затем был Удар Явата. Самая разрушительная атака в истории космических войн.

А Аллен Хиггинс командовал домашним флотом.

Не было ни одной проклятой вещи, которую он мог бы сделать с этой атакой, но это было все равно, что снова наблюдать за Грендельсбейном, только в гораздо худшем масштабе, и это ... сломало что-то внутри него. Тейсман не был древесным котом, но этого не требовалось, чтобы понять, почему коты называли его Сердцем В Тени, и он подозревал, что напарник Хиггинса, Печальный Охотник, был тем, кого коты называли целителем разума. Во всяком случае, он на это надеялся. Хиггинс был хорошим человеком ... и единственным человеком во всей галактике, который обвинял себя в том, что случилось.

Если бы он мог, Тейсман в мгновение поставил бы его обратно на флагманскую палубу, "на лошадь", как выражалась Хонор. Но в некотором смысле это было то, чем он командовал в домашнем флоте, и Удар Явата был всего лишь семь месяцев назад. Если бы он так быстро вернулся в космос, это ударило бы его слишком сильно, слишком быстро.

К тому же, черт возьми, он нужен нам там, где он есть!

"Что ж, теперь, когда часть нас в виде свободного и независимого командира флота находится здесь, - сказал он, - возможно, мы можем приступить к делу."

Хонор фыркнула, но в его описании была доля правды. Возможно, не "свободный и независимый", а как командир домашнего флота, она заняла место в Объединенном Комитете, хотя она была единственным командиром флота, который был там. Ее должность - заместитель начальника комитета по операциям - была несколько аномальной, поскольку она была технически старше Хиггинса, но не была одним из начальников штабов и не имела официальной ответственности перед ОК. Она не была уверена, что одобряет эту конструкцию, но ее флот представлял собой силу устрашения Большого Альянса. Чрезвычайно важно было полностью информировать ее о намерениях Объединенного Комитета - и просить ее внести свой вклад в эти намерения - и до тех пор, пока Большой флот базировался в двойной системе Мантикора, это, по крайней мере, работало.

"Хорошо, - продолжил Тейсман, обращаясь к Патрисии Гивенс, которая теперь имела звание помощника начальника Объединенного Комитета по разведке, а также второго космического лорда, - вам слово."

"Спасибо, сэр."

Гивенс дотронулась до устройства управления, свет погас, и на умном крышке стола напротив каждого присутствующего появился заголовок файла.

"Как вы видите, леди и джентльмены, - начала она, - у нас теперь есть подтверждение нападения на систему Майзе." Выражение ее лица было мрачным. "Слава Богу, жертвы были минимальными, но разрушение инфраструктуры Майзе было почти полным. Это доводит до семи число известных нам нападений "Флибустьера" - включая Гипатию в список, а не как специальную одноразовую политическую операцию - начиная с Кашалота."

Она остановилась, подняв глаза и позволив им обвести стол.

"Пока у нас нет оснований полагать, что в ближайшее время мы не услышим о еще большем их количестве."

Она дала время для осознания этого, затем снова набрала код управления, и заголовок файла исчез в аккуратно выстроенных столбцах данных.

"На данный момент это лучшие цифры, которые мы смогли сгенерировать для фактического физического ущерба в каждой звездной системе," - начала она. "Коммандер Лассалин работает над их улучшением, но пока они все еще основаны на оценках и компьютерном моделировании. Более конкретные числа все еще поступают, и Терри проследит, что все вы получили обновления, когда станут доступны более точные данные. Однако я сомневаюсь, что то, что у нас есть, может кардинально измениться. Этого нам, безусловно, почти достаточно, чтобы приступить к оценке общего воздействия, и, как я уверен, вы заметите - "

* * *

"Так что вы думаете?" - спросил Тейсман намного позже тем же вечером, сидя с Хонор и Иудой Янаковым.

Капарелли должен был присоединиться к ним на ужин в Харрингтон-хаусе, но в тот вечер Королевский оркестр исполнял "Восхождение Саганами" Хаммервелла. Для Первого Космического Лорда и Первого Лорда было традицией присутствовать всякий раз, когда это происходило, именно поэтому он и Хэмиш оба опаздывали. Хонор не знала, что это было запланировано, когда она пригласила других на ужин, и она использовала тот факт, что ее движения были более или менее засекречены, чтобы избежать этого. Только горстка людей знала, что она на планете, и, хотя ей нравилась музыка Хаммервелла, она решила, что ей больше нужна спокойная ночь "дома". Она бы на самом деле предпочла бы провести его в Белой Гавани, но оказалось, что командующему Большого Флота запланировать "спокойную ночь у себя дома" было чуть тяжелее, чем большинству. А поскольку Хэмиш должен был присутствовать на концерте...

Тейсман подозревал, что к ним присоединился бы и Капарелли, с радостью свалив обязанность публичного появления на своего гражданского начальника. Тейсман обнаружил, что Первый Космолорд не был поклонником классической музыки и в лучшие времена. Дайана Капарелли, к сожалению для него, была, и она настояла на своем - сильно - когда ее супруг пытался улизнуть от нее.

Теперь Тейсман отпил из своей пивной кружки - он выработал решительное пристрастие к пиву под названием "Старый Тиллман" - и с благодарностью сглотнул.

"Предполагается ли еще один рейс "Флибустьера"?" - продолжил он.

"Я не знаю." Хонор покачала головой, глядя в свою собственную кружку. "Я склонна думать, что мы уже слышали обо всех их "первых полетах", несмотря на то, как медленно распространяются новости. Однако я не вижу причин, по которым они не смогли бы запустить больше семи, если бы захотели." Она снова пожала плечами. "По нашим оценкам, у них все еще есть где-то около четырех тысяч линейных крейсеров, и они использовали примерно восемьсот из них во всех ударах, о которых мы знаем. Они могли бы бросить в нас гораздо

больше."

"А может, нет, Хонор," - сказал Янаков. В отличие от двух других, он держал бокал любимого Delacorte Альфреда Харрингтона. Теперь он махнул им - мягко, с уважением, которого оно заслуживало - для подчеркивания. "Я думаю, что мнение коммодора Лессема о последствиях способности Лиги производить так много ракетных подвесок так быстро, справедливо, но где-то должно быть какое-то дно, даже для производительности Солли. Я не удивлен, что они могут выпустить их миллион - или даже миллиард - как только они доработают дизайн. Посмотрите на скорость, с которой мы могли бы производить их до Удара Явата, или на то, как Беовульф начал готовиться к выпуску Марк двадцать три сейчас. Но должен быть предел, и в дополнение к простому созданию вещей, они должны физически перемещать их, как только они произведены. Это связывает доставку и отнимает время."

На самом деле, много времени благодаря Лаокоону. Если на то пошло, если мы не готовы предположить, что Кингсфорд такой же большой идиот, как Бинг или Крэндалл, они должны сделать приоритетным накопление достаточного количества их, чтобы вооружить свой эквивалент Большого Флота, и это заберет большой кусок их запасов тоже."

"Таким образом, вы поддерживаете аргумент Пат о том, что они, возможно, исчерпали свой первоначальный запас боеприпасов - или столько, сколько они были готовы потратить на наступательные операции - и должны сделать паузу для пополнения запасов?" - спросил Тейсман.

"Я говорю, что думаю, что это может быть фактором в решении сделать паузу," - ответил Янаков. "Хотя я думаю, что могут быть и другие, и, как говорит Хонор, если бы в первой фазе было больше ударов, мы бы уже слышали о них. Это говорит о том, что они решили сделать паузу."

"И я могу придумать еще несколько причин, по которым они могли бы сделать это," - отметила Хонор. "С одной стороны, если они надеются вывести нас из стратегического равновесия, они должны дать нам время для передислокации. И они, вероятно, хотят дать другим потенциальным целям возможность все обдумать. Цель стрельбы в кого-то в качестве наглядного урока - убедить других людей обратить на это внимание, а на это нужно время."

"Я думаю, что это очень важный момент." - кивнул Тейсман. "Кроме того, я не удивлюсь, если они захотят увидеть, как это отразится на их собственном электорате. Они могут танцевать вокруг того, чего хотят, но, несмотря на то, что им пока не удалось убить несколько миллионов человек - слава Богу за адмирала Котоуча и командера Петерсен! - это не похоже на то, что мы делали друг с другом, Хонор, особенно с встроенным в матрицу "Парфянским выстрелом". Я не удивлюсь, если они захотят поэтапно довести общественное мнение солли до уровня принятия нарушения Эдикта."

"Вы думаете, что они действительно настолько глупы, чтобы зайти так далеко?" Выражение лица Янакова было мрачным, и его голос подсказывал, что он считает анализ Тейсмана слишком правдоподобным.

"Я думаю, что было бы трудно переоценить глупость - с нашей точки зрения, во всяком случае, - на которую способны Мандарины," - прямо сказал Тейсман. "Если бы это было так, они бы не оказались в такой глубокой яме. Единственная реакция, которую они пока показали, это способность выкопать проклятую яму еще глубже! Что заставляет вас думать, что они могут"

отказаться от этого сейчас?"

"Я не могу придумать ничего," - признала Хонор. "С другой стороны, как бы мне не претило это говорить, во многих отношениях "Флибустьер" напрямую играет на нашу общую стратегию. Я не могу представить ничего более подходящего, чтобы вызвать всеобщее отвращение в Украине - или вызвать обратную реакцию Централных Миров, если на то пошло, как только внутренние системы действительно начнут понимать, что происходит."

Тейсман кивнул с задумчивым выражением. Он не мог придумать ничего более подходящего для делегитимизации Мандаринов - в конце концов, после слишком больших разрушений и слишком большого числа смертей, - чем операция Флибустьер. Конечно, это предполагало, что физически можно было заставить жителей Миров Центра действительно подумать о том, что им говорили зазывалы Малахая Абруцци.

Пока что признаки в этом отношении были менее чем обнадеживающими.

"Что меня действительно беспокоит, - продолжила Хонор, - так это то, что Беовульф, наконец, голосует на плебисците через неделю. Я не могу не думать, не ждут ли они подсчета голосов, прежде чем запустят Флибустьер-2. И если голосование пройдет так, как все ожидают, они, скорее всего, почувствуют гораздо большее давление, чтобы повысить ставку."

"Вы думаете, они пойдут сразу на Беовульф? Когда адмирал Трумэн сидит на гипертоннеле, а Майкрофт работает?" Скептицизм Тейсмана был очевиден, и Хонор покачала головой.

"Даже если предположить, что они не знают о Майкрофте - а я не собираюсь предполагать, что они этого не знают - Кингсфорд, по крайней мере, достаточно умен, чтобы избежать столкновения с Элис и ее подвесочниками. Я полагаю, Мандарины могут его заставить. Я могу понять, как МакАртни мог бы сделать это - или попытаться, во всяком случае - но я действительно сомневаюсь, что Кингсфорд согласится на что-то самоубийственное. С другой стороны, все признаки того, что они планируют раскрутить Беовульф так же, как и Гипатию - непростительный акт измены, совершенный с вопиющим нарушением Конституции, нечестной и коррумпированной олигархией системы, стремящейся броситься в союз с Звездной Империей и ее союзниками-неоварварами, чтобы участвовать в добыче, когда Злые Манти вторгнутся в Лигу и сожгут Старый Чикаго до основания!"

Она с отвращением поморщилась, и Нимиц прижал уши у нее на коленях.

"Я уверена, что они все равно сделали бы это, - сказала она, - но все их оправдание для Флибустьера состоит в том, что они были доведены до этого. Когда Беовульф отделится - и они знают так же хорошо, как и мы, что именно это и произойдет, - это даст им самое большое "доказательство" того, как мы управляем всей конфронтацией. И с этим обоснованием в руках, кто-нибудь из нас действительно верит, что они не толкнут Флибустьер к чему-то большему и лучшему? И если они это сделают, они заставят и нас переосмыслить наши возможности." Она покачала головой, ее взгляд был более обеспокоенным, чем она могла позволить большинству людей видеть. "Им действительно не понравится, если они заставят нас сделать это. Мне только хотелось бы чувствовать себя более уверенности том, что они имеют понятие, насколько это им не понравится."

Станция Флота Ганимед

Орбита Ганимеда

Солнечная Система

Солнечная Лига

Уинстон Кингсфорд стоял на смотровой площадке, наблюдая, как Большое Красное Пятно Юпитера проплывает под ним, и присвистывал от изумления, размышляя о долголетию огромной бури. Вся Старая Земля могла исчезнуть в ее пасти, и количество энергии, рассеиваемой ее самыми отдаленными ветрами каждый день, было ошеломляющим. Но вихрь продолжал упорно выживать, перекачивая дополнительные более холодные и более горячие газы, чтобы обеспечить себя энергией. Разумеется это было третье Большое Красное Пятно с тех пор, как человечество начало наблюдать за Юпитером. Обсуждение климатических моделей газового гиганта проходило в ожесточенных спорах даже после всех этих Т-веков, но общее согласие было в том, что где-то на планете всегда будет Большое Красное Пятно. Самый длинный интервал между ними составлял менее пятидесяти лет, и это пятно все еще расширялось. Текущие модели предполагали, что оно будет по крайней мере, еще двести или триста лет.

Что означало, что даже с пролонгом "погодный фронт" переживет всю его жизнь. Это имело тенденцию ставить эфемерную природу человеческого существования в интересную перспективу.

Меньший спутник Юпитера, Европа, имеющая в два раза меньший период обращения, пролетела между его нынешней позицией и Юпитером, и Ио, самая внутренняя из четырех лун Галилея, только что вошла над флангом газового гиганта. Галактика конструкций, вращающихся вокруг Ганимеда и Юпитера, сверкала в отраженном свете планеты, и он глубоко вздохнул и отвернулся от панорамы.

"Никогда не надоест на это смотреть," - признался он Уиллису Дженнингсу, своему начальнику штаба. "Это совсем иначе, чем смотреть запись на видео."

"Да, сэр," - сказал адмирал Дженнингс, хотя для него разницы не было. За исключением того, что здесь было как-то холоднее, возможно. Это должно было быть чисто психологическим, учитывая комфортные двадцать градусов, которые держали на всех местах обитания ФСЛ. По какой-то причине, однако, он не мог избавиться от ощущения, что температура на платформах флотской базы Ганимеда была ниже этого, как если бы температура поверхности луны - больше, чем на двести градусов ниже нуля - вползла в раскинувшуюся базу.

Глупости, конечно.

"Ну, - сказал Командующий Флотскими Операциями, кивая командеру, который был назначен его сопровождающим во время визита, - я полагаю, мы должны перейти к делу. Ведите, командер."

* * *

Флотская Станция Ганимед была самой крупной из конструкций ФСЛ, даже большей, чем Флотская Станция Марс, несмотря на то, что подсистема Юпитера была менее удобна для Старой Земли, чем марсианская. Даже когда Марс находился в худшем сочетании с Юпитером, ФСГ находилась на расстоянии 550 000 000 километров - больше, чем 30 световых минут - дальше от Старого Чикаго. Ближайшее расстояние до ФСМ было всего 46,8 млн. км от Старой

Земли, а Ганимед был на расстоянии более 558 млн, почти в 12 раз дальше. С учетом этой геометрии один из быстроходных судов флота мог бы достичь Марса через обычное пространство менее чем за два часа; поездка на Флотскую Станцию Ганимед требовала более шести.

То же самое курьерское судно могло дойти до гиперлимита Солнца всего за три часа, перейти в альфа-полосу и совершить микропрыжок на 35 световых минут между этой точкой и гиперлимитом Юпитера в 4.6 световых минут всего за пятнадцать минут. Однако он достиг бы гиперлимита Юпитера с относительной скоростью, фактически равной нулю, и потребовалось бы два с лишним часа, чтобы встретиться с Ганимедом, так что общее время полета на самом деле было бы более чем на сорок пять минут больше.

Были времена, размышлял Кингсфорд, следуя за своим сопровождающим, когда все еще применялась старая фраза "отсюда туда не добраться".

Несмотря на это, Ганимед давно стал важным узлом для ФСЛ. Гиперлимит Юпитера был намного меньше, чем у системной звезды, но это не объясняло первенство ФСГ. В конце концов, Марс был намного ближе к гиперпределу Солнца, чем Старая Земля. Линейный крейсер, достигший предела Юпитера, находился в двух часах и тридцати пяти минутах от дока на ФСГ; тот же корабль, прибывший к пределу Солнца, находился всего в восьми минутах хода от дока на ФСМ, а Марс был огромным населенным узлом, которым Ганимед, несомненно, не был. Юпитер, однако, был основным источником реакторного топлива для ФСЛ, и с таким переизбытком этого топлива имело смысл расположить основные перерабатывающие заводы и производственные центры в одном месте. Бесконечные океаны Ганимеда с жидкой водой были еще одним важным фактором.

"Луна" была больше, чем многие планеты галактики - она была девятым по величине телом в Солнечной системе - с полностью дифференцированным внутренним пространством, расплавленным металлическим ядром и количеством жидкой воды, большим, чем на самой Старой Земле. Пробраться к ней через многие километры льда было сложной инженерной задачей в первые дни исследования системы, но в наши дни особых трудностей не возникало. И с доступом к жидкой воде и огромному количеству топлива, появилась практически неограниченная поставка кислорода и водорода.

Учитывая все эти факторы, Флот решил Т-столетия назад сделать Ганимед своей основной базой как для строительства, так и для межзвездного развертывания, в то время как Марс стал вторичной, отвечающей за поддержку операций внутри гиперлимита системы. Это означало, что у ФСЛ не было других внутрисистемных баз или средств. Принимая во внимание растущую орбитальную инфраструктуру Солнечной системы, узлы флотской активности были разбросаны по огромному объему. Гражданская индустрия системы, как правило, располагалась вокруг Марса, в относительной близости как к очистительным заводам пояса астероидов, так и к потребителям, которые были сосредоточены на Старой Земле, Марсе и орбитальных поселениях вокруг этих двух планет и Венеры. Было много дополнительной гражданской промышленности, рассеянной вокруг пояса астероидов, но все действительно имело тенденцию собираться вокруг Марса. С другой стороны, военная тяжелая промышленность уже давно находилась рядом с ФСГ, чтобы быть ближе к своему основному потребителю.

Например, в Технодайн Йилдун работали свыше ста сорока тысяч роботехников, кибернетиков, нанотехнологов и строителей на ее платформе Ганимед I, без учета даже большого количества

НИОКР, которых содержала корпорация там, где они будут полезны для ФСГ... и наоборот.

Лично Уинстон Кингсфорд заключил - возможно, несколько цинично - что это скорее второй случай, чем первый. Отношения Технодайна с Флотом Солнечной Лиги в словаре определялись, как "полюбовная сделка" - или, возможно, "инцест" - так долго, как мог помнить любой офицер. Вплоть до этой неприятности в Моники руководство Технодайна считало флот одной из своих дочерних компаний, а не наоборот. На самом деле, если он собирался быть честным, адмирал должен был признать, что одна вещь в нынешней катастрофической ситуации, которая согревала его сердце, заключалась в том, что очень много VIP-членов Технодайна были отправлены в тюрьму, а затем наблюдали, как их преемники неистово разрабатывают технологии, в которых Флот нуждался не столько из патриотизма, сколько из желания оставаться за пределами тюрьмы.

Хватит, Уинстон, сказал он себе. Будь душкой. По крайней мере, они придумали Катафракты. Конечно, ты был бы немного счастливее, если бы не подозревал, что у них должно быть более четкое представление о том, чем занимались манти и хевениты, чем у ваших собственных людей. Они придумали этот ответ слишком быстро, чтобы не видеть раньше что-то подобное. Это ставит вопрос, почему они не предупредили тебя об этом.

Справедливости ради, - в тех редких случаях, когда он был склонен быть справедливым по отношению к Технодаину - он должен был признать, что даже если бы Технодаин предупредил Флот, кто-то вроде Мартиноса Полидору, недавно (и насильственно) уволенного командира Системных Разработок, проигнорировал бы это. Впрочем он не был уверен, что сам бы не проигнорировал это, учитывая недостаток разведывательных отчетов о новых технологиях, внедряемых в секторе Хевен. ФСЛ был сосредоточена на поддержании технологического статус-кво в течение долгого времени. Когда у кого-то десять тысяч супердредноутов, в строю или в резерве, а у любого другого флота в галактике меньше тысячи, вряд ли кто-то интересовался технологическими сдвигами, которые сделали бы существующую боевую стену устаревшей.

Это объясняет наши мысли, сказал он себе мрачно. Хотя, черт возьми, не оправдывает!

Ну, может быть, то, что он сегодня был здесь, чтобы посмотреть, могло бы стать шагом в направлении исправления ситуации.

Во всяком случае, он надеялся на это.

* * *

"Адмирал Кингсфорд, рада вас видеть, сэр!" - сказала худая, каштанововолосая адмирал, когда командер проводил КФО и его начштаба в крупнейший тактический симулятор Флота Солнечной Лиги.

Огромный размер симулятора заставил ее выглядеть почти крошечной - и она действительно была на шестнадцать сантиметров короче собственных 183-х сантиметров Кингсфорда - но она была мускулистой и совсем не хрупкой. Она также была очень молода для своего звания; даже для кого-то, привыкшего к пролонгу третьего поколения, она выглядела как чья-то дочь-подросток с обманчиво милым лицом. На самом деле, Тори Киндрик была так далека от "милейшей молодой штучки", как только можно вообразить, поэтому Кингсфорд выбрал ее вместо Полидору в качестве главы команды Системных Разработок. Она была молода для получения звания флага-офицера в ФСЛ - всего пятьдесят один Т-год - но она была также умна, безжалостно эффективна и не слишком беспокоилась о том, чтобы гнать волну, поэтому он

передвинул ее прямо из коммодора в вице-адмиралы, присвоив ей звание для нового назначения.

Она потрясла Системные Разработки, как давно бушующий тайфун, но также она занимала это место немногим более двух Т-месяцев, и унаследованная ею задача была похожа на задачу Геркулеса по очистке конюшен, только хуже.

"И мне также приятно вас видеть, Тори," - сказал он, пожимая ей руку. "Будет ли эта поездка столь же интересной, как предполагают ваши отчеты?"

"Я действительно думаю, что это возможно, сэр. Для разнообразия," - сказала она, и Кингсфорд усмехнулся.

Если во Флоте Солнечной Лиги был флаг-офицер, который имел бы более низкое мнение о руководстве и философии Технодайна, чем Киндрик, Кингсфорд не мог бы представить, кто это может быть. Это была еще одна из причин, по которой он выбрал ее для Системных Разработок. У нее было большое уважение к техническим возможностям Технодайна, и он не боялся, что ее отношение к менеджменту настроит ее против любых хороших идей, которые подбросят команды НИОКР, но она явно была не склонна давать корпорации расслабляться больше, чем нужно. Это делало ее чрезвычайно критичной аудиторией, когда офис корпорации отправлял ей глянцевый проспект.

"Я все еще перебираю около шести или семи петабайт отчетов и анализов," - продолжила она, когда Кингсфорд выпустил ее руку и она, в свою очередь, пожала руку Дженнингсу. "Этот был отмечен как срочный, и я склонна думать, что на этот раз они сделали все правильно."

"Вы сказали, что думаете, что это может быть даже более важным, чем Катафракт."

Тон Кингсфорда содержал вопрос, и она кивнула.

"Это не будет таким ... тактически гибким, скажем так, как Катафракт, особенно если они не продолжат улучшать производительность его бустерного привода."

Она вежливо предложила Кингсфорду и Дженнингсу следовать за ней к тактической команде, ожидающей их на одной из командных палуб симулятора. На данный момент он был настроен как мостик супердредноута класса Ученый, и она провела их через тактический участок. Тактические станции были включены и заняты персоналом, заметил Кингсфорд, глядя на ждущий главный дисплей. На данный момент он был настроен в масштабе системы, и он увидел нечто, похожее на эскадру супердредноутов, стоящих почти неподвижно на расстоянии чуть более трех световых минут.

"Я не думаю, что мы должны действительно рассматривать эту тактическую систему как стратегическую," - продолжила она, когда они шли. "Ее развертывание не будет чем-то, что я бы назвала простым или эффективным с точки зрения логистики, но если оно будет работать в полевых условиях так же, как на симуляторах и в тестовой программе, оно будет стоить этих сложностей."

"Правда?" Кингсфорд скривил бровь, позволив точно оценить скептицизм в его голосе, но она твердо кивнула.

"Действительно, сэр. У меня были сомнения, когда я просмотрела первоначальное предложение, но дело в том, что оно действительно работает, и нам не пришлось изобретать никакого нового оборудования - ну, мы настроили несколько подсистем, которые у нас уже были - чтобы собрать все вместе. Программное обеспечение является радикальным отклонением от всего, что мы когда-либо использовали ранее, и мы обновили основные процессоры компьютера, чтобы оно заработало, но мы прошли более сорока испытаний живого огня реальных прототипов оружия без единой ошибки. Это не означает, что все будет работать так же эффективно в действии, поскольку у нас есть такие безнадежные оценки технологии, против которой она будет действовать, но с точки зрения надежности систем, все это, вероятно, наравне с Джавелином или Требушетом."

Кингсфорд почувствовал, как поднялась его вторая бровь. Для Киндрик, особенно в том, что касается Технодайны, это было не просто громкое одобрение, а головокружительный энтузиазм!

"Так это проверенная технология?" - спросил Дженнингс.

"Ее текущие компоненты проверены, сэр," - ответила Киндрик. "Нельзя сказать, что она не может быть улучшена. Я, например, ищу способы модернизации лазерных головок и средств проникновения на конечной фазе. На данный момент мы используем последнюю фазу Катафракта-В и лазерную головку Mod-11, но я не вижу причин, по которым мы не можем это улучшить. Я бы предположила, что мы должны иметь возможность заменить текущую конечную стадию на более крупную; вероятно, такую же большую, как у Катафракта-С, или даже чуть большую. Это означало бы перестроить фюзеляж базовой ступени - может быть, точнее было бы назвать его "корпусом", учитывая размеры, о которых мы говорим, - но базовые системы привода и поддержки не нужно было бы расширять. Только физические размеры конструкции, в которой они установлены."

"Все это звучит хорошо," - сказал Кингсфорд. "Предполагая, что это действительно работает. И это работает так, как рекламируется."

"О, пока все так и есть, сэр. Фактически, вы должны увидеть доказательство этого примерно через... - она проверила цифровой дисплей времени, который Кингсфорд не заметил в углу тактического дисплея, - девять минут."

"Извините меня?"

"Боюсь, мы устроили вам небольшой сюрприз, сэр." Киндрик внезапно улыбнулась, что сделало ее еще моложе. "Птички уже в полете. Коммандер, - она показала головой на тактического офицера на командной палубе симулятора, - получил приказ начать пуск, пока я шла вам навстречу. Они уже в пути."

Кингсфорд на мгновение посмотрел на нее, затем повернулся к дисплею. Она посмотрела на него невинным взглядом.

"У вас настоящие живые птички там, в пути - с работающим приводом - прямо сейчас," - спросил он, не отводя взгляда.

"Да сэр. Это так."

"А как далеко ваши дроны?"

"Тридцать миллионов километров, сэр. На полпути к стартовым площадкам."

Кингсфорд покачал головой. В это было трудно поверить, даже после изучения того, что она послала ему.

Дженнингс встал рядом с ним, затем двинулся, чтобы посмотреть через плечо тактического офицера.

"В соответствии с этим, их скорость тридцать семь тысяч км/сек и менее пяти миллионов кликов до дронов... почти четыре минуты осталось на часах, сэр," - сказал он.

Голос начальника штаба звучал почти благоговейно, и Кингсфорд не обвинял его.

"Я думаю, сэр, - сказала Киндрик, и когда Кингсфорд снова повернулся к ней, ее тонкая жесткая улыбка не выглядела ни молодой, ни милой, - это то, чего манти никогда не увидят. Во всех смыслах этого слова."

Зал Совета директоров

Здание Директоров

Город Колумбия

Система Беовульф

"Ну, слава Богу, все кончено!" Председатель системы Чиянг Бентон-Рамирес откинулся на спинку стула и поднял кружку пива у плавающего над ним голографического изображения, где только что был опубликован финальный счет. Возможно, это была не самая подходящая Председателю поза, которую он мог принять, но это была очень долгая ночь, и никто из его товарищей по совету директоров системы Беовульф не выглядел оскорбленным.

"Как там в той фразе, которую так любит ваша племянница, Жак?" - спросила директор по обороне Кадделл-Маркхэм, глядя на маленького, с миндалевидными глазами мужчину, сидящего напротив нее за столом. "Что-то насчет конца начала?"

"У нее есть вкус к древним цитатам," - признал Жак Бентон-Рамирес-и-Чоу. "Не представляю, где она это подцепила. Но ты права, Габриэль. За исключением того, что я не уверен, что это даже так далеко в будущем, как конец начала. Мне кажется, это скорее случай ратификации начала."

"Интересная мысль," - признала Кэдделл-Маркхэм.

"На самом деле, это очень хорошая мысль," - сказала высокая женщина со светлыми волосами. "Я надеюсь, что никто не будет обижен, если я скажу, выступая в качестве главного прокурора Республики, насколько глубоко я рада тому, что мы не получили, как я полагаю, того, что могли бы назвать юридически неоднозначной ситуацией."

Хотя Деворе Офир-Джиаккони было всего шестьдесят восемь лет, что было очень мало для директора Беовульфа, она возглавляла Управление юстиции Беовульфа уже почти девять лет.

Она была умным, уважаемым членом адвокатуры Беовульфа и упрямым защитником целостности судебного процесса. Что, как размышлял Бентон-Рамирес-и-Чоу, несомненно, объясняет ее полное презрение к нынешнему состоянию Солнечной лиги.

"О?" - улыбнулся он ей. "Ты имеешь в виду, что теперь мы все официально предатели?"

По залу заседаний пробежал хор смешков, возможно, с небольшой нервозностью, и Офир-Джиаккони фыркнула.

"На самом деле, Жак, я имею в виду, что мы больше не предатели. Спорно, по крайней мере."

"Простите меня?" Константин Брюле-Чоу поднял обе мохнатые брови. Директор по гуманитарным делам был почти на восемь сантиметров выше Офир-Джиаккони, но его ноги были на самом деле короче ее, и он был очень широкоплечим и крепко сложенным. Это, вероятно, помогло объяснить его прозвище "Медведь", но его тяжелые брови, низкая линия лба и большие, сильные руки внесли свой вклад в неизбежность этого. "Я думаю, что тот факт, что мы только что наблюдали за голосованием по выходу из Солнечной Лиги, определенно делает нас предателями, по крайней мере, в Старом Чикаго!"

"Нет," - сказала Офир-Джиаккони. "Мы были предателями, в то время когда, будучи членом Солнечной Лиги, активно помогали и поддерживали звездную нацию - нет, три звездные нации - которые находятся в состоянии войны с Лигой. Теперь мы либо независимая звездная нация, либо повстанцы, а не предатели. Есть юридическое различие. Наша собственная судебная система истолковывает это так, что впервые за семьсот семьдесят три года мы снова стали независимой звездной нацией благодаря законному осуществлению наших конституционных прав как члена системы Солнечной лиги. Это означает, что, как и у любой независимой звездной нации, наша внешняя политика, включая любые военные союзы, которые мы выбираем, является нашим делом, и ничьим другим, поэтому никто не может обвинить нас в измене за то, что мы решим. Я сомневаюсь, что кто-то в Старом Чикаго заинтересован в нашей интерпретации, но это другой вопрос. И как придирчивый адвокат, я рада выйти из морально-правовой неопределенности."

Она, вероятно, права, признал Бентон-Рамирес-и-Чоу. За последние примерно семь месяцев в действиях Республики Беовульф возникла определенная юридическая и моральная... туманность - начиная с решения предупредить и Лэндинг и Новый Париж о готовящемся нападении Филареты - независимо от того, насколько оправданной могла быть ее позиция.

Ему все еще было трудно понять, что Беовульф, основной движущий фактор создания Солнечной лиги, действительно разрушает ее. Горе, которое он чувствовал иногда, когда он обдумывал это, было почти подавляющим. Но альтернативы никогда не было, когда Иннокентий Колокольцев и его товарищи отказались признать даже возможность существования Согласия и вместо этого удвоили свой конфликт с Мантикорой и ее союзниками. Усилия Мандаринов сделать Беовульф козлом отпущения за катастрофический исход операции Яростное Правосудие лишь подчеркнули отсутствие вариантов для его звездной системы, и решение о проведении плебисцита для рассмотрения вопроса об отделении было принято. Также никого не удивили результаты, вспыхнувшие на голограмме над столом переговоров, за исключением, возможно, того факта, что разница в пользу отделения была даже больше, чем ожидалось.

Это из-за Гипатии, мрачно подумал он. Боже мой, о чем думали эти идиоты? Создание чего-то вроде "Парфянского выстрела" - это как раздача пульсеров злым детям! Это чудо, что Котоуч и Петерсен смогли помешать Хайду и Гогуну убить шесть или семь миллионов человек после полудня. И как долго мы сможем уворачиваться от этого пульсерного дротика?

"Полагаю, ты права, Девора," - сказал он через мгновение. "Я сомневаюсь, что кто-нибудь в Старом Чикаго будет беспокоить свою голову вопросом, являемся ли мы предателями или "просто" мятежниками, если возникнет возможность для каких-либо юридических неприятностей, но это, так сказать, мило выйти из тени."

"Определенно". Кадделл-Маркхэм энергично кивнула. "И не только потому, что теперь все знают, где мы находимся. Девяносто два процента за?" Она покачала головой. "Я знаю, что некоторые из восьми процентов откажутся принять результат, и как человек, который всегда считал себя гражданином Лиги, я не могу сказать, что не понимаю их. Но никто никогда не сможет сказать, что не было того, что вы могли бы назвать "широкой поддержкой" наших действий. И я благодарна за еще одну вещь, которую мы можем сделать сейчас - это позволить Мантикоре и Хевену припарковать некоторые из своих кораблей стены достаточно близко, чтобы прикрыть внутреннюю систему, а не только терминал."

"Это действительно необходимо?" - спросил секретарь совета Джошуа Пиндер-Свун. Кадделл-Маркхэм посмотрела на него, и Пиндер-Свун пожал плечами. "У меня сложилось впечатление, что нам действительно не нужна куча кораблей стены, когда Майкрофт работает."

Он выглядел немного нервным, и Бентон-Рамирес-и-Чоу не был удивлен. Возможности Майкрофта как защитного зонтика были основополагающими для почти всего планирования Большого Альянса. Если бы эти возможности были меньше, чем рекламировалось ...

"Возможно, нам не понадобится "куча кораблей стены", но это не то же самое, что сказать, что не будет хорошо иметь их," - сказал министр обороны. "Это что-то вроде проверки вашего резервного антиграва до того, как вы начнете кататься на гравилыжах, Джош. Скорее всего, вам это никогда не понадобится. Однако, если понадобится, я считаю, что правильно сказать, что оно вам крайне необходимо."

"Я согласен с Габриэлем," - сказал директор по технологиям Саана-Лебель. Внук беженца-хевенита, покинувшего Народную Республику, Саана-Лебель был одним из решительных сторонников нынешней внешней политики Республики Беовульф. "Майкрофт - действительно выдающееся достижение, - продолжил он, - и меня больше, чем когда-либо, впечатляет то, чего добились Мантикора и Хевен, особенно Хевен, учитывая состояние его довоенной образовательной системы. Но это не гарантия полной герметичности."

"Даже если бы это было так, никто не скажет об этом ФСЛ," - отметил Кадделл-Маркхэм. "Трудно бояться того, о чем вы не знаете."

"Верно." Бентон-Рамирес-и-Чоу кивнул. "И давайте посмотрим на это. Даже если бы они знали об этом, они продемонстрировали непоколебимую способность идти прямо от одной циркулярной пилы к другой. Я должен думать, что даже Мандарины и ФСЛ могут научиться чему-то, получая достаточно убитых на этом пути, но я не думаю, что возможно переоценить, насколько большой знак остановки действительно нужен этим людям."

"Согласен," - сказала Кадделл-Маркхэм. "Вот почему я так счастлива, что мы можем переместить их глубже в систему. К этому времени даже гении в Старом Чикаго должны были понять, что они не хотят связываться с мантикорскими или хевенитскими кораблями стены. Однако они могут более охотно рискнуть против наших кораблей, особенно если они думают, что могут достаточно сильно увеличить шансы в свою пользу. Вот почему то, что они бросили в Гипатию - особенно количество ракет, которые они взяли с собой - пугает меня. Не столько из-за того, что они могли бы на самом деле сделать против нас, чем из-за того, что, я боюсь, они могут подумать, что могли бы. Так что, если есть шанс, что это убедит их, что благоразумие действительно является лучшей частью доблести, прежде чем мы уьем еще миллион или два из их космонавтов, я целиком за то, чтобы размахивать самой большой палкой, о которой они знают, что она у нас есть, и так угрожающе, как мы можем!"

Башня Джорджа Бентона

Город Старый Чикаго

Старая Земля

Солнечная Система

Иннокентий Колокольцев откинулся в саморегулирующийся комфорт своего кресла, ущипнул себя за переносицу и моргнул усталыми глазами, глядя в потолок. Было поздно - очень поздно - и он почувствовал полночную неподвижность в своих костях. Внешняя стена его кабинета, настроенная на прозрачность, глядела на великолепные волшебные огни самого большого города в истории человечества. Монументальные башни старого Чикаго выходили из воды озера Мичиган, подобно титанам, их бока сверкали созвездиями земных звезд, а полная луна безмятежно смотрела вниз, как древняя серебряная монета.

Он не мог слышать голос никогда не спящего города из звукоизолированного убежища своего кабинета. Иногда он мог. Иногда он настраивал звуковую систему на подключение к микрофонам, установленным по сторонам Джорджа Бентона. Хотя обычно, когда он работал, на заднем плане плыла мягкая музыка. Иногда древние композиторы до Расселения, но чаще более современные произведения. У него даже был тайный вкус к новой Разрушенной Музыке, с которой его познакомил племянник его жены, хотя он никогда не признавал этого, слушая ее здесь, в офисе.

Но сегодня вечером не было музыки. Была только тишина, нарушенная только мягким бульканием полутораметрового водопада, падающего в пруд с карпами в одном углу офиса. По общему признанию, это был успокаивающий шум, но он был настолько мягким, что, казалось, улучшал тишину, а не нарушал ее. Он думал о том, чтобы включить микрофоны или сказать офисному ИИ выбрать что-то случайное из своей музыкальной библиотеки, но не сделал этого.

Были некоторые вещи, над которыми лучше размышлять в тишине.

Он перестал щипать нос, взял чашку кофе и поднялся на ноги. Он нес кофе к стене, потягивая из самонагревающейся кружки - большой, размером с литр, которую он использовал только длинными ночами, когда работал один, и никто не мог видеть глубину его зависимости - пока он угрюмо смотрел на красоту, которая маскировала такую уродливую реальность.

Интересно, сколько людей стояло, глядя на такие города, и удивляясь, что, черт возьми, им

делать дальше? подумал он. Я полагаю, что этот вид зрения является одним из преимуществ большого успеха. Жаль, что это не делает ничего, чтобы помочь вам понять, как избавиться от худшего проклятого беспорядка, который вы когда-либо создали.

О, как бы ему хотелось возложить ответственность за все это на кого-то другого! В некотором смысле, он мог; его коллеги "Мандарины" - даже они начали использовать прозвище, которое хитрожопая О'Ханрахан к ним прицепила - внесли как минимум столько же в предпосылок катастрофы, сколько и он. И он мог с полным основанием утверждать, что Натан МакАртни и Раджампет Раджани, среди прочих, внесли чертовски много больше, чем он. В частности, Раджампет с выбранными им людьми, такими как Джозеф Бинг, Сандра Крэндалл - даже Массимо Филарета! - не смог бы нанести больше вреда, если бы захотел. Действительно, были моменты, когда Колокольцеву почти хотелось, чтобы манти со своей истерией нашли что-то с тайными заговорами и генетическими суперменами ради галактического господства.

Было бы так утешительно думать, что он и его коллеги-бюрократы стали жертвой злонамеренных манипуляций, а не кучкой чертовых идиотов, которым удалось из-за некомпетентности разрушить всю Солнечную Лигу.

Но если бы он когда-либо испытывал искушение поверить, что в "объяснении" манти и хевенитов об их действиях было слово правды, каскад сообщений, поступающих из Окраины - и даже из Периферии - подавил бы искушение.

Его челюсть сжалась, когда тупая пульсация ярости снова пронзила его, и ноздри раздулись.

То, что произошло в Мебиусе, больше не было одной каплей на ветру. Сообщалось о десятках подобных ситуаций. Некоторые сообщения поступили из систем, где осторожно подстрекаемые протесты уже перешли в открытое насилие; другие были из систем, чьи паникующие администраторы УПБ - или, в некоторых случаях, даже более паникующие местные олигархи - просто осознали, что кто-то извне помешивает в горшке. Все эти люди звали на помощь, звали поддержку - звали флот! И поскольку новая угроза для протекторатов и их и без того удушаемых потоков доходов возросла, у них не было иного выбора, кроме как отправить эту поддержку. Отрезая это от имеющихся сил Кингсфорда. Слава Богу, они решили отложить второй этап Флибустьера! Но эти диверсии поглотили имеющиеся крейсера флота, как кислота.

Была ли это работа манти или нет, ее последствия не могли бы лучше соответствовать их целям. И кто бы это ни был, они должны были докопаться до сути. Должны были найти виновных и прекратить это дерьмо, пока не стало еще хуже. По этой причине он требовал независимого анализа каждого известного случая... искусственно вызванного несчастья в протекторатах.

Он возложил эту задачу на Бренди Спрэйкер. Спрэйкер была не только одним из лучших аналитиков по иностранным делам, но и с самого начала скептически относилась к аргументам об империализме манти. Она знала, что "империализм манти" был линией партии, обоснованием политики Лиги против Звездной Империи, но она упорно не поддерживала эту линию. МакАртни прочитал пару ее уничтожающих опровержений и потребовал, чтобы Колокольцев уволил ее и заменил ее кем-то, кто, как выразился МакАртни, "был по крайней мере достаточно умен, чтобы понять, что вода мокрая!"

Колокольцев хотел указать, что он не слишком уверен, что МакАртни сам знал об этом. Но не

стал. Вместо этого он просто держал Спрэйкер именно там, где она была, делая именно то, что делала она, потому что даже если было... неудобно, чтобы она оспаривала его собственные политические обоснования, даже если только для внутреннего пользования, он нуждался в такой честной критике. Последнее, что он хотел - купиться на свою собственную тайную историю!

Особенно сейчас. В течение последних нескольких недель он задавался вопросом, возможно ли, что случайно ему сказали правду о мантикорских мотивах. Это показалось ему невероятным, но отнюдь не менее вероятным, чем версия манти о том, что произошло в Мебиусе. Они действительно хотели, чтобы галактика поверила, что кто-то еще, притворяясь ими, бегает вокруг, раздувая огни восстания? Смешно! Нет, гораздо более вероятно, что они действительно смотрели за пределы сектора Талботт с самого начала.

Спрэйкер не верила этому. По этой причине он поручил ей эту работу, и она представила свой доклад сегодня днем.

"Простите, сэр," - сказала она. "Мне очень жаль, но... похоже, я уже несколько месяцев плохо провожу анализ."

"Не глупи, Бренди," - упрекнул он ее. "Единственное, что я точно знаю, это то, что ты давала мне свой лучший анализ."

"Может быть так," - сказала она тяжело. "Но, может быть, и нет. Может быть, я просто была преднамеренно слепой, потому что не видела какой-либо вменяемой мотивации для манти намеренно идти против Солнечной Лиги." Она покачала головой. "Может быть, я просто не придала достаточного значения их анализу баланса военной силы. Возможно, именно поэтому я подумала, что кто-то такой умный, каким они были всегда, никогда намеренно не натравит на себя Лигу. И правда в том, что я до сих пор не могу придумать какой-либо разумной причины для них сделать что-то подобное. Но я пришла к выводу, что я была права."

Он смотрел на нее, пытаясь скрыть собственное противоречивое чувство тревоги и угрюмого, удовлетворенного оправдания и напомнил себе идти медленно.

"В чем дело, Бренди?"

"Я не буду притворяться, что действительно удовлетворена некоторыми данными, которые мы получаем от Пограничной Безопасности даже сейчас, сэр," - сказала она, и он кивнул. Это была еще одна вещь, которую он ценил в Спрэйкер. Она хорошо знала, каким образом УПБ и, в меньшей степени, Жандармерия, как правило, фальсифицируют данные и анализы, которые они передавали в Министерство Иностранных Дел, и она учитывала это в своем собственном анализе.

"Сказав это, тем не менее, я обнаружила некоторые доказательства - на самом деле, чертовски многозначительные доказательства - именно того, что заявлял Найхус из Пограничной Безопасности. Доказательства, которые не были получены от него."

"Правда?" Колокольцов откинулся на спинку стула, его глаза были полны решимости, и она печально кивнула.

"Да сэр. Я проверила, по крайней мере, основную точность его версии того, что произошло в четырех разных звездных системах, и я нашла, по крайней мере, две других, которые соответствуют одному и тому же профилю, но о которых он никогда не упоминал ни в одном из своих отчетов. Это достаточно плохо, но я также подтвердила, что некоторые из них начались более года назад. На самом деле, похоже, что некоторые из них могли начаться целых два года назад или даже немного раньше."

Она остановилась, глядя на него, и он глубоко вздохнул и жестом предложил ей продолжить.

"Есть, по крайней мере, три, которые соответствуют этому графику, сэр, в том числе тот, который произошел в системе Лумис десять месяцев назад. На самом деле, Лумис - довольно хороший пример того, что происходит. Когда в январе "Фронт освобождения Лумиса" начал восстание, все подумали, что это результат чисто внутренних факторов. Бог знает, что ситуация долгое время гноилась."

В ее глазах мелькнул гневный свет. Несмотря на ее положение - или, возможно, потому, что ее положение давало ей гораздо более лучшее понимание, чем среднему соларианцу, о том, как это работает, - Бренди Спрэйкер не была большим поклонником Пограничной Безопасности или системы Протекторатов в целом.

"К сожалению, около двух месяцев назад власти системы Лумис захватили некую МакФаджен - она была лидером Фронта Освобождения - последнюю из оставшихся лидеров ячейек. С тех пор она была казнена, но на допросе она очень огорчалась из-за ложных обещаний флотской помощи, которые им были сделаны. По всей видимости, это было в тайне от ФОЛ, поэтому никто не сообщил об этом раньше. Либо это, либо кто-то на месте - возможно, в местном офисе УПБ - узнал это и скрыл факт, чтобы прикрыть свою задницу. Не хотел признать, что они упустили что-то подобное, организованное прямо у них под носом?"

"Думаю, так и есть."

"Я не говорю, что это случилось, сэр. Однако, я думаю, что это могло быть. В любом случае, если этот парень - его звали МакГилл, и он, кажется, был последним членом их высшего руководства на свободе - говорил правду, с МакФаджен впервые связался кто-то, утверждающий, что представляет мантикорцев еще в мае или июне прошлого года. Сэр, это было как минимум за шесть месяцев до инцидента в Новой Тоскане. Так что либо мы должны признать, что кто-то, кто знал о Новой Тоскане, приезжал за полгода до того, как это произошло - более вероятно, по крайней мере, на целый год, учитывая время, необходимое для поиска МакФаджен, и с учетом времени в пути - и организовал все это, заставив нас винить в этом Мантикору, иначе это действительно были манти."

"Является ли график таким же ясным для любого другого инцидента?" - тихо спросил Колокольцов.

"Согласно собственной хронологии манти, кто-то - конечно, они утверждают, что это был кто-то другой - первоначально связался с организацией Брайтбаха еще в июле прошлого года. Это еще за четыре месяца до Новой Тосканы. То же самое верно по крайней мере в четырех других случаях. Может быть в целых пяти, но мы не можем зафиксировать последовательность в Локлире из того, что мы знаем сейчас. Поэтому, если мы не готовы признать, что "Мезанское Соглашение" действительно существует и действительно имеет возможность манипулировать не только звездными системами Окраины, но и нашими собственными флотскими действиями, это все время должна быть Мантикора." Она потрясла головой с отвращением "Может быть, вам

стоит найти себе аналитика, который сможет найти свой зад, по крайней мере, если вы позволите ему использовать обе руки."

"Я понимаю."

Он пристально смотрел на нее, потом встал, обошел вокруг нее свой стол и протянул руку.

"Я не могу сказать вам, насколько я всегда ценил вашу честность, Бренди," - сказал он. "Я знаю, что вы всегда скажете мне правду, какой видите ее. И то, что вы пришли в этот офис, чтобы сказать мне, что вы решили, что ошиблись, лишь подчеркивает, что я не могу позволить себе потерять вас. Я хочу, чтобы вы остались на этом месте. И я хочу, чтобы вы сказали мне, если вы видите что-нибудь, что-либо, что противоречит анализу, проводимому постоянным старшим заместителем министра МакАртни в будущем. Вы мой сторож, мой страж. Я не должен этого признавать, но сам не доверяю разведке УПБ." Он махнул рукой. "О, я знаю, что у всех министерств есть свои собственные мотивации, свои собственные кормушки, но Пограничная Безопасность слишком хочет думать о себе как о важнейшем органе федерального правительства. Мы не можем позволить, чтобы их мнение о их собственной важности формировало положение разведке. Не в такое время."

"Я понимаю, сэр, - сказала она, - и я сделаю все возможное. Может быть не так хорошо, как я думала раньше, но как бы то ни было, я дам вам это."

"Я знаю это, Бренди," - сказал он, крепко сжав ее руку. "В конце концов, это то, что вы всегда делали."

Он верил в каждое слово, которое сказал ей, но теперь, потягивая кофе, глядя на этот сверкающий световой пейзаж, он позволил гневу течь сквозь него, думая об этом. Думая о ханжеском превосходстве ублюдков. О том, как они читали ему лекцию о разнице между их собственной моральной, честной внешней политикой и политикой Солнечной Лиги. Презрение в их глазах и их голосах. Высокомерие, с которым они объявляли, что их маленькое Звездное Королевство не просто равно Солнечной Лиге. О нет! Оно было лучше, чем Лига. Оно намеревалось заменить Лигу как маяк надежды и прогресса, к которому должна стремиться галактика. И все время, пока они делали это, они распространяли свой яд в протекторатах. Это было смыслом и всей их стратегии "Лаокоона".

Они нашли ахиллесову пяту федерального правительства, ее зависимость от денежных потоков протекторатов и платежей за доставку и обслуживание. И поэтому они начали разжигать костры во всей Украине, чтобы дестабилизировать Протектораты и генерируемый ими поток доходов, а затем намеренно разбили межзвездную экономику Лиги, чтобы раз и навсегда покончить с этим денежным потоком.

И даже выбор времени имеет смысл, горько подумал он. Мы еще не начинали понимать, какое технологическое превосходство имеет их флот, но они знали. И они также знали, что, как только мы это выясним, у нас будет базовая технология и производственная база, чтобы похоронить их под своим новым оружием. Но только если они дадут нам время. И поэтому они привели все это в движение, а затем воспользовались этой невероятной, чертовой глупостью в Монике - и предвзятым анти-мантикорским отношением Бинга - и создали всю эту проклятую военную конфронтацию для достижения своих целей, прежде чем мы смогли перестроить ФСЛ в нечто такое, что может раздавить их, как насекомых, которыми они есть. И этот гребаный идиот Раджампет и его хороший друг МакАртни попали прямо в их ловушку с Бингом,

Крэндалл и Филаретой. Черт, и я пошел вместе с ними.

Это, он понял, было то, что действительно злит его. Он думал, что он был тем, кто вызывал выстрелы, разыгрывая ситуацию со всем его привычным, отточенным опытом, потому что у него была вся Солнечная Лига за спиной, и Лига всегда вызывала выстрелы. Но это было совсем не так. Нет, манти играли с ним, манипулировали им даже более уверенно, чем кем-либо из этих бедных проклятых дураков в Окраине, и это было оскорблением для Иннокентия Колокольцева, которого он никогда не простит, не может простить.

Но что он мог поделаться? Они были правы относительно своего технологического превосходства, и, по прогнозам Водославской и Квотермейн, их основная стратегия работала. Долг правительства и проценты, которые оно вынуждено было платить, чтобы занять больше, росли, как уровень гелия в сердце звезды. Федеральное правительство было настолько огромным, настолько гигантским, что его крушение было бы похоже на медленное кораблекрушение - по крайней мере, на начальном этапе. Водославская особенно предупреждала, что когда придет конец, он наступит быстро и катастрофически. Так что все, что они делали, чтобы предотвратить его как можно дольше, делало окончательный крах еще более разрушительным. Они могли бы поддерживать текущие уровни расходов в течение еще шести месяцев. Возможно, даже целых семь. Но тогда, если они не смогут придумать какой-то принципиально новый механизм финансирования, чтобы задействовать бездонное потенциальное богатство Солнечной Лиги, корабль пойдет ко дну.

И мы не можем найти новый механизм, подумал он в отчаянии. Любое другое правительство в этой галактике может ввести новые налоги, генерировать новые источники дохода. Но не мы. Мы в тупике из-за проклятой Конституции.

Это было прямо в статье I. Федеральное правительство ни при каких обстоятельствах не может принимать какие-либо формы прямого или косвенного налогообложения, не связанные с налогами на межзвездную торговлю и/или конкретными услугами, которые оно предоставляет. Действительно, там использовались именно эти слова "ни при каких обстоятельствах".

Нам нужно найти способ обойти это, но как? Как нам это сделать, не признавая, что мы делали в Протекторатах все время? Без подтверждения обвинений манти по поводу нашего хищничества? Чтобы убедить Ассамблею позволить нам решить проблему, сначала мы должны сказать им, в чем заключается проблема, и в этой битве с общественностью мы не можем победить. Не в нынешнем состоянии. Даже если бы мы изменили законодательство, и даже если бы кто-то не побежал прямо в судебную систему, потребовался бы только один голос - только один - чтобы отменить любое установленное законом разрешение на сбор налогов. И последнее, что мы можем себе позволить на данный момент, - это созвать конституционную конвенцию о внесении поправок в Статью I. При том, как чувства сейчас распространяются по всей Лиге, даже Бог не знает, чем это закончится! Но...

Музыкальный звонок его официального коммандера поплыл по офису, и он нахмурился, отвернувшись от поразительного ночного вида Старого Чикаго. Ему всегда приходилось оставлять информацию о том, где он был в своем секретариате, но у кого хватило смелости звонить ему так поздно ночью?

Он неохотно подошел к столу.

"Определите абонента," - прорычал он.

"Адмирал Уинстон Кингсфорд, Командующий Флотскими Операциями," - ответил офисный компьютер, и его угрюмость усилилась. Он думал, что Кингсфорд на Ганимеде!

"Прими," - сказал он.

"Передано записанное сообщение," - сказал ему компьютер. "Длина сообщения одиннадцать минут и семнадцать секунд."

"Записанное?"

Компьютер не ответил на явно риторический вопрос, и ноздри Колокольцева раздулись.

"Отлично. Воспроизвести записанную передачу."

"Начинается сообщение», - сказал компьютер, и Уинстон Кингсфорд появился на настольном дисплее у Колокольцева.

"Надеюсь, я не поймал вас в неподходящий момент, сэр, - сказал он, - но если у вас есть несколько минут, есть кое-что, о чем мне нужно рассказать вам. Я полагаю, - он быстро улыбнулся, - вы всегда можете поставить меня на паузу, пока это не станет удобно, но я думаю, что это то, что вы действительно захотите услышать."

КФО прекратил говорить на мгновение, очевидно предоставив Колокольцеву возможность приостановить запись до лучшего времени. Затем он продолжил, его глаза были яркими и напряженными.

"Я знаю, я тот, кто предупреждал всех, чтобы они не думали о магических средствах уравнения," - сказал он. "И я не думаю, что это то, что мы здесь получили. Но я только что посмотрел целый день симуляций и три демонстрации новой системы. Я предупреждаю вас, что она не находится на том же уровне, на который манти, похоже, способны, но в некотором смысле близка к нему. Очень близка. На самом деле, сэр, это достаточно близко, что - в достаточном количестве - я думаю, может быть реальным изменением игры."

"Они называют это "Хаста", и я не хочу рассказывать вам слишком много о том, как это работает в передаче, каким бы хорошим ни было наше шифрование. Но не вдаваясь в детали того, как она делает то, что делает, позвольте мне рассказать вам немного о ее потенциале.

"Во первых..."

<http://tl.rulate.ru/book/29436/626035>